

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. ЖМ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печковской.
Рукописи, доставл. безъ обознач. гонорара,
считаются бесплатными.
Мелкія рукописи не сохраняются.
Телефонъ ред. № 1669.

и Искусство

1899 г. III годъ изданія. ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 5 Декабря.

СОДЕРЖАНІЕ: Къ инциденту съ Н. Н. Фигнеромъ. — Досуги сезона. — Экстазы творчества (продолженіе). А. Измайлова. — О современной нейрастеніи и о быломъ героизмѣ (продолженіе). Ив. Наанова. — Донъ-Жуанъ Австрійскій. Ник. Негореса. — Хроника театра и искусства. — Музыкальн. замѣтки. Б. М. Соловьева. — Изъ Москвы. Стирика. — Театр. замѣтки. А. К—елл. — Режиссерскій отдѣлъ (подъ редакц. Ю. М. Озаровскаго). — Гастролеръ. Гр. Ге. — Провинціальная льгота. — Объявленія.

№ 49.

Рисунки: «Смерть Іоанна Грознаго» въ Худ.-Общ. театрѣ. — «Донъ-Жуанъ Австрійскій» (3 рис. С. С. Соломко). — Портретъ Г. Г. Ге. (рис. Н. Краченко). — «Похожденія мистера Пиквика» (рис. П. П. Ассатурова). — «На старой мельницѣ» (рис. А. А. Ротиславова). — Виньетка къ портрету. (П. П. Ассатурова). — «Галипо» (карикатура Леандра).
Портреты: А. А. Берникова, г-жи Марковичъ, г-жи Зимаеръ, г-жи Рапацкой, г. Рапацкаго.
Прилож.: «На старой мельницѣ» Вебера, пер. Я. С.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1900 Г. НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

(четвертый годъ изданія).

Съ 1900 г. мы вводимъ новое приложеніе:

12 выпусковъ, отъ одного до двухъ листовъ каждый, „Библиотеки“, въ которой будутъ помѣщаться наибольше объемистыя статьи. Выпуски будутъ печататься въ обыкновенномъ книжномъ форматѣ, и по истеченіи года, составятъ компактный томъ. Кроме того, будетъ увеличено число нотныхъ приложеній. Въ общемъ читатели получатъ:

52 №№ журнала (около 1000 страницъ).

20 репертуарныхъ пьесъ.

12 выпусковъ Библиотеки.

12 нотныхъ приложеній.

2—3 выпуска „Словаря сценическихъ дѣятелей“.

Не смотря на такое значительное расширеніе журнала, подписная цѣна остается прежняя, т. е.

6 р. на годъ, 4 р. — полгода.

Разсрочка допускается на прежнихъ основаніяхъ, по 2 р. въ три срока: при подпискѣ, 1 Марта и 1 Юня.

Гг. иногороднихъ подписчиковъ просимъ, по возможности, обращаться въ главную контору журнала: С-Петербургъ, Моховая, 45.

Для напечатанія въ 1900 г. редакция имѣетъ въ своемъ распоряженіи слѣдующія новыя пьесы: «Накипь», ком. въ 4 д., П. Д. Боборынина, «Завѣщаніе», пьеса въ 4 д., П. П. Гнѣдича, «Максимъ Сумбуловъ», историческая драма, въ 5 д. и 6 карт., Ив. Д. П. Голицына (Муравлина), «Преступленіе и Наказаніе», Я. А. Дельера, «Неугомонная», комедія въ 4 д., П. М. Невѣжина, и мн. др. Первый № за 1900 г. выйдетъ въ воскресенье 2 января, почему контора покорнѣе проситъ подписываться заблаговременно.

Театральныя справочно-статистическія

Бюро Русскаго Театральнаго Общества:

Въ Москвѣ—Тверская ул., уг. Сытинскаго пер., д. Арбатскаго; открыто ежедн., исключая празднич. дней, отъ 10 до 4 час.
Въ С.-Петербургѣ—Караванная ул., д. № 9, кв. 6; открыто ежедневно, исключая праздничныхъ дней, отъ 10 до 5 час.

С.-Петербургъ, 5 декабря.

Въ театральнхъ кружкахъ много разговоровъ о предполагаемомъ или состоявшемся уходѣ изъ оперной труппы г. Фигнера. Говорятъ о какихъ-то претензіяхъ, которыя ставитъ пѣвецъ, о переговорахъ и о тѣхъ, будто бы, убыткахъ, которые дирекція потерпитъ, съ уходомъ г. Фигнера. Вѣсьма возможно, что многое въ этихъ устныхъ разсказахъ достовѣрно, многое-же, навѣрное, преувеличено. Вполнѣ достовѣрнымъ мы признаемъ, во всякомъ случаѣ, одно—это возможные убытки дирекціи, разъ не будетъ «возвышенныхъ цѣнъ», по которымъ поетъ г. Фигнеръ, и разъ имя этого артиста не будетъ «украшать» афиши.

A chaque seigneur tout honneur! Мы охотно готовы признать г. Фигнера прекраснымъ пѣвцомъ, умѣющимъ, при вѣсьма ординарномъ голосовомъ матеріалѣ, достигать отличныхъ результатовъ. Согласимся и съ тѣмъ, что сейчасъ трудно найти достойнаго замѣстителя г. Фигнеру. Но выскажемъ съ полною убѣжденностью, что самое существованіе въ оперной труппѣ «премьера» съ несоотвѣтственно высокимъ окладомъ, съ возвышенными цѣнами на спектакли съ его участіемъ и т. п.—представляеть явленіе, едва-ли соответствующее характеру истинно художественнаго учрежденія. Ансамбль—не есть

лишь сценическое явление; онъ долженъ быть также краеугольнымъ камнемъ внутренняго строя театральной жизни. Очевидно, трудно допустить такой «ансамбль», и совмѣстную дружную работу артистовъ, когда иные находятся въ явно привилегированномъ положеніи, и для наглядности, введена даже арифметическая расцѣпка ихъ относительнаго значенія, въ видѣ особыхъ пѣнь. Эта постоянно дѣйствующая гастрольная система не можетъ не воспитывать публики въ извѣстномъ направленіи, и очевидно, что, подсчитывая вѣроятные убытки, вслѣдствіе ухода «гастролера», слѣдуетъ помнить, что этотъ порядокъ вещей созданъ самой же дирекцією.

Гастрольная система не можетъ быть оправдана никакими соображеніями. Всего менѣе, разумѣется, соображеніями художественными и достоинствомъ Императорскаго театра и служащихъ въ немъ артистовъ. Разумѣется, г. Фигнеръ — теноръ, т. е. онъ не безъ труда беретъ *si patet*, но если откинуть, эту механическую особенность его голосовыхъ связокъ, то на всякій безпристрастный взглядъ, рѣшительно нельзя отдать преимущество г. Фигнеру, какъ артисту и пѣвцу, предъ г-жей Долиной, напримѣръ, или гг. Яковлевымъ, Тартаковымъ и др. Это — законченные, превосходные артисты, соединяющіе съ музыкальностью и отличными голосовыми средствами совершенную артистичность, вкусъ и сценическое дарованіе. Между тѣмъ, они поютъ по обыкновеннымъ цѣнамъ, г. Фигнеръ же — по особеннымъ, потому что получаетъ непомѣрно высокій окладъ. Вѣроятно, онъ этихъ денегъ стоитъ, но образцовому оперному театру предоставлено много средствъ соблюсти равновѣсіе бюджета, не прибѣгая къ такой обидной для другихъ артистовъ и для самаго театра таксировкѣ цѣны.

Недоразумѣнія, будемъ надѣяться, уладятся, и г. Фигнеръ, по прежнему, станетъ услаждать петербургскую публику горячностью своего исполненія, скрывающею столь искусно недостатокъ потускнѣвшихъ отъ времени нотъ. Но на очереди, во всякомъ случаѣ, вопросъ о томъ, какъ избѣжать на будущее время возможныхъ столкновеній. Совершенно очевидно, что система гастролей, затмевающихъ своимъ успѣхомъ работу конкурентовъ и препятствующихъ нормальному развитію новыхъ артистовъ — система вредная для театра. Образцовый театръ долженъ воспитывать молодыхъ артистовъ, «вести» ихъ, руководить ими, знакомить ихъ съ публикою и создавать имъ постепенно реноме... При томъ исключительномъ положеніи, которое занялъ г. Фигнеръ, многимъ кажется, что нѣтъ больше теноровъ; среди теноровъ — артистовъ. Это заблужденіе, конечно. Хорошіе голоса имѣются; среди хорошихъ голосовъ, найдутся и пѣвцы, одаренные темпераментами и вкусомъ. Но ихъ слѣдуетъ найти, а найдя, учить, воспитывать, выводить въ артисты, заканчивая ихъ образованіе и осторожно подготавливая къ будущей дѣятельности. При такой системѣ, нѣтъ опасности, что театръ останется безъ любимцевъ, а артисты — безъ славы. Наоборотъ, когда, создавъ гастрольную извѣстность артисту, театръ принимаетъ ее эксплуатировать, оставляя въ тѣни всѣхъ прочихъ — всегда можетъ статься, что отказъ или капризъ артиста чувствительно пошатнетъ сборы. Ни съ матеріальными ни съ художественными интересами театра такое положеніе вещей не совмѣстимо. Успѣхъ долженъ покоиться на ансамблѣ, на общей работѣ, на общемъ духѣ учрежденія, на подборѣ талантливыхъ силъ, другъ друга поддѣрживающихъ, а никакъ не затмевающихъ.

Г. Разсудовъ, инициаторъ нижегородскихъ «докуговъ сезона», прислалъ намъ подробное письмо, въ которомъ поясняетъ смыслъ и значеніе предпринятой затѣи. Въ виду несомнѣннаго интереса этого симпатичнаго, во всякомъ случаѣ, движенія, приводимъ значительныя выдержки изъ этого письма.

Цѣль «Субботъ», — сплоченіе актеровъ во время ихъ «докуговъ» въ одну артистическую семью, которая должна дать актеру отдыхъ, отвлекая его отъ безсодержательнаго времяпровожденія, кутежей и всякихъ излишествъ, и возможность самообразования и ознакомленія съ общимъ холмомъ русскаго театрального дѣла. Должно соединиться подъ общей руководящей идеей «общенія и единенія» актеровъ по мысли и духу для образованія, въ концѣ концовъ, огромной артистической семьи. Основнымъ принципомъ жизнеспособности этой является положеніе: каждый артистъ долженъ быть гражданиномъ, при чемъ недостаточно имъ только называться, надо имъ быть. Артистъ — какъ бы ни былъ великъ его талантъ — не интересующійся общественной жизнью, не представляющей никакихъ гражданскихъ запросовъ и довольствующійся полнымъ обезпеченіемъ комфорта, доставляемого ему талантомъ, не можетъ быть членомъ этой семьи, равно не имѣетъ права и толковать о тѣхъ «правахъ» актера, должна даровать ожидаемая театральная реформа.

Девизомъ вышеозначенныхъ «Субботъ» служить *omnia tulit puncta qui miscuit utile dulci*. Предметами собраній служатъ: 1) чтеніе сочиненій гг. членовъ «Субботъ» по вопросамъ чистаго искусства, техники его и общаго теченія театральной жизни и театральной организации; 2) оппонированія и пренія; 3) декламация и чтеніе молодыхъ «начинающихъ актеровъ» съ соответствующими указаніями «старыхъ актеровъ»; 4) пѣніе и музыка.

На «Субботахъ» этихъ, кромѣ такъ называемой исполнительской программы, допускаются и развлеченія, напр., игра въ карты, но не болѣе какъ на одномъ столикѣ и только въ коммерческія игры, лото-домино, шахматы и пр. Льюшимъ водку подается не болѣе 1-й рюмки. Чай и закуска устраиваются въ складчину (по 25 коп. съ человѣка). Въ виду входящаго въ задачи «Субботъ» стремленія оградить актера излишествъ, возникла мысль учредить налогъ на всѣ предметы роскоши и излишняго комфорта въ быту актера.

Въ одну изъ слѣдующихъ «Субботъ» состоится совѣщаніе: наложить ли штрафы за опозданія на репетиціи. Всѣ деньги, взыскиваемая по «Субботамъ» совмѣстно съ пожертвованіями и всѣми прочими статьями дохода, рѣшено препроводить въ Русское Театральное Общество для образованія капитала, подъ названіемъ «Досуги сезона», который должно употреблять на нужды русскихъ драматическихъ артистовъ по усмотрѣнію Совѣта Общества.

Дирекція театра въ лицѣ г. Корсикова-Андреева, относясь съ особеннымъ къ «Субботамъ», пошла навстрѣчу общему желанію и распорядилась о назначеніи субботнихъ вечернихъ репетицій не позже 6-ти часовъ. Изъ другихъ городовъ (шести) пока получены сочувственныя письма, выражающія желаніе примкнуть къ нашимъ «Субботамъ».

Г. Разсудовъ добавляетъ еще подробную таблицу «налоговъ», но эта фискальная система не представляетъ особеннаго интереса, и думается, можетъ быть пересоздана въ каждомъ городѣ по своему образцу.

Но дѣло это хорошее, при всемъ порою дѣтскомъ прекраснородіи учредителей. Дай Богъ, побольше такихъ кружковъ среди провинціальныхъ актеровъ, предоставленныхъ всѣмъ соблазнамъ артистической вольницы, не связанной даже постоянно и опредѣленнымъ мѣстожительствомъ. Не знаемъ, скоро ли актеры дождутся тѣхъ «правъ», о которыхъ говоритъ г. Разсудовъ и каковы будутъ эти права, но несомнѣнно, что первое право актера есть право на самоуваженіе. Значеніе и вліяніе Съѣзда сценическихъ дѣятелей въ этомъ отношеніи чрезвычайно велико и благотворно. Онъ далъ первый толчокъ самосознанію актеровъ, на что мы указывали въ свое время и что считали главнѣйшимъ результатомъ его трудовъ. «Познай себя», какъ говорить философы. Этого мало. Если возможно познать себя въ одиночку, за то трудно одному удержаться на добродѣтельной стезѣ. И въ этомъ смыслѣ развитіе кружковъ въ актерскомъ

ХУДОЖЕСТВЕННО-ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ТЕАТРЪ ВЪ МОСКВѢ.

«Смерть Иоанна Грознаго», 2 карт. 1 акта.

Грозный—г. Станиславскій.

Годуновъ—Вишневскій. Захарьинъ-Юрьевъ—г. Санинъ.

миръ, сплоченіе артистической семьи, взаимный контроль, взаимная поддержка — могутъ дать несокрушимый опорный пунктъ для правильного развитія и обновленія актеровъ. Товарищество — многихъ удержать отъ эксцессовъ и излишествъ, на которыхъ такъ падка нервная натура актера. Это товарищество удержитъ женщинъ театральной среды въ своей родной театральной средѣ, не толкая ихъ на путь сомнительныхъ успѣховъ въ провинціальномъ обществѣ и двусмысленныхъ триумфовъ. Наконецъ, это товарищество скорѣе, чѣмъ чтонибудь иное, въ состояніи будетъ провести явную черту между дѣйствительными работниками сцены и тѣми паносными элементами, тѣми отвратительными «присосками» сцены, которые такъ грязнятъ театральную среду.

Это—прекрасный починъ, во всякомъ случаѣ, и отрадный симптомъ пробужденія провинціального актерства. Какъ устроится это товарищество, въ какомъ духѣ поведется—дѣло будущаго. Мы рады предоставить сценическимъ дѣятелямъ наши столбцы для живого обмѣна мнѣній по этому вопросу, выдвинутому жизнью. Главное—не давать заглухнуть доброму дѣлу, и не смущаться тѣмъ, что первоначальныя формы его, быть можетъ, наивны и несовершенны.

Экстазы творчества.

(Продолженіе *).

IV.

Наблюдалъ ли за собою проявленія такихъ странностей русскій писатель? До сихъ поръ, кажется, никому не приходила мысль задаться этимъ вопросомъ, и намъ неизвѣстно рѣшительно ни одной, хотя бы поверхностной статьи, посвященной этому вопросу. Тому, кто задумалъ бы къ нему обратиться, пришлось бы идти совершенно одиноко, не встрѣчая опоры, и мы можемъ дать лишь небогатый матеріалъ для будущаго работника надъ этою любопытной психологической задачей.

Въ литературныхъ преданіяхъ сохраненъ рассказъ о томъ, какъ не совсѣмъ обычно написалъ Державинъ свою оду „Богъ“. Начавъ оду въ 1780 г. въ Свѣтлое Христово Воскресенье, по возвращеніи отъ заутрени, поэтъ въ февралѣ 1784 года, по рассказу его біографа Грота, рѣшилъ уединиться для ея окончанія и, уѣхавъ въ г. Нарву, остановился въ наемной комнатѣ, гдѣ и писалъ, запершись, нѣсколько дней. „Доказательствомъ, какъ воображеніе его было разгорячено, рассказываетъ Гротъ, служилъ рассказъ его объ окончаніи оды. Не дописавъ послѣдней

строфы, уже ночью, онъ заснулъ передъ зарею. Вдругъ ему показалось, что кругомъ по стѣнамъ бѣгаетъ яркій свѣтъ. Слезы ручьями полились у него изъ глазъ. Онъ всталъ и при свѣтѣ лампы, разомъ написалъ послѣднюю строфу“ *). Подобный же случай творческаго экстаза рассказываютъ о Жуковскомъ, пережившемъ его во время писанія своей послѣдней предсмертной вещи—поэмы „Агасферъ“. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ очевидную роль играетъ не только поэтическая, но и религиозная возбужденность, и классификаторъ экстазовъ, Мантегацца, вѣроятно, отнесъ бы ихъ къ проявленіямъ столько же экстаза религиознаго, сколько и творческаго...

Въ „Запискахъ А. О. Смирновой“, — источникъ, правда, значительно мутномъ и испорченномъ чуждыми привнесеніями, — передается нѣсколько примѣровъ проявленія страннаго творчества у Пушкина. Мѣста, относящіяся сюда, чужды противорѣчій, психологически объяснимы и, слѣдовательно, до известной степени заслуживаютъ довѣрія и вниманія. „Пушкинъ, — рассказываетъ Смирнова, — иногда читалъ мнѣ великолѣпные стихи, и когда я говорила: „какъ это хорошо!“ онъ пожималъ плечами и говорилъ: „хорошо? По моему, это слабо, блѣдно, неполно. У себя въ головѣ я все это вижу въ совершенно другомъ видѣ, и мнѣ не удается все выразить, какъ бы я желалъ. Я иногда вижу во снѣ дивные стихи; во снѣ они прекрасны. Въ нашихъ снахъ все прекрасно, но какъ уловить, что пишешь во время сна. Разъ я разбудилъ бѣдную Наташу и декламировалъ ей стихи, которые только-что видѣлъ во снѣ, потомъ я испыталъ истинныя угрызения совѣсти: ей такъ хотѣлось спать!“

— Почему вы тотчасъ же не записали этихъ стиховъ?

Онъ посмотрѣлъ на меня насмѣшливо и грустно отвѣтилъ:

— Потому что жена моя мнѣ сказала, что ночь создана на то, чтобы спать. Она была раздражена, и я упрекнулъ себя за свой эгоизмъ. Тутъ стихи и улетучились“ **).

Не менѣе любопытенъ другой рассказъ, находящійся въ той же книгѣ. По словамъ Смирновой, поэтъ однажды обратился къ ней съ вопросомъ:

„— Хотите ли, чтобы я сдѣлалъ вамъ одно признание?“

— Насчетъ чего?

— Насчетъ „Пророка“.

— Говорите, я не буду нескромной.

— Вотъ почему и вамъ его и дѣлаю. Я какъ-то вѣздилъ въ монастырь Святыя Горы, чтобы отслужить панихиду по Петру Великому... Служка попросилъ меня подождать въ кельѣ. На столѣ лежала открытая библія, и я взглянулъ на страницу, — это былъ Іезекіиль. Я прочелъ отрывокъ, который перепарафразировалъ въ „Пророкѣ“. Онъ меня внезапно поразилъ, онъ меня преслѣдовалъ нѣсколько дней, и разъ ночью я написалъ свое стихотвореніе. Я всталъ, чтобы написать его. Мнѣ кажется, что стихи эти я видѣлъ во снѣ... Іезекіиля я читалъ раньше. На этотъ разъ текстъ показался мнѣ дивно-прекраснымъ, я думаю, что лучше его понималъ. Такъ всегда бываетъ со священнымъ писаніемъ: сколько его не перечитай, тѣмъ больше имъ проникаешься, тѣмъ болѣе все освѣщается и расширяется“ ***).

Нѣкоторымъ подтвержденіемъ правдивости расска-

занныхъ случаевъ является и то, что на пространствѣ „записокъ“ авторъ еще два раза говоритъ о той же странности Пушкина *).

Едва ли, однако, не самымъ загадочнымъ случаемъ слѣдуетъ признать слѣдующій, рассказанный поэтомъ Алексѣемъ Толстымъ въ одномъ изъ его писемъ изъ Флоренціи **) и происшедшій съ нимъ не болѣе, какъ за восемь мѣсяцевъ до его смерти.

„Со мной случилась, — пишетъ поэтъ, — странная вещь, которую я хочу вамъ рассказать. Во время моей большой болѣзни въ деревнѣ, такъ какъ я не могъ ни лечь, ни спать сидя, я какъ-то ночью принялся писать маленькое стихотвореніе, которое мнѣ пришло въ голову. Я уже написалъ почти страницу, когда вдругъ мои мысли смутились, и я потерялъ сознание.

„Пришедши въ себя, я хотѣлъ прочесть то, что я написалъ; бумага лежала предо мной, карандашъ то-же, ничего въ обстановкѣ, окружающей меня, не измѣнилось, — а вмѣстѣ съ тѣмъ я не узналъ ни одного слова въ моемъ стихотвореніи. Я началъ искать, переворачивать всѣ мои бумаги, и не нашелъ моего стихотворенія. Пришлось признаться, что писалъ *безсознательно*, а вмѣстѣ съ тѣмъ мною овладѣла какая-то мучительная боль, которая состояла въ томъ, что я непременно хотѣлъ вспомнить что-то, хотѣлъ удержать какую-то убѣгающую отъ меня мысль.

„Это мучительное состояніе, становилось такъ сильно, что я пошелъ будить мою жену; она съ своей стороны, велѣла разбудить доктора, который велѣлъ мнѣ сейчасъ же положить льду на голову и горчичники къ ногамъ, — тогда равновѣсіе установилось. Стихотвореніе, которое я написалъ совершенно *безсознательно*, недурно и напечатано въ январской книжкѣ „Вѣст. Европы“.

„Во всякомъ случаѣ, это—явленіе патологическое, довольно странное. Три раза въ моей жизни я пережилъ это чувство—хотѣлъ уловить какое-то неуловимое воспоминаніе, — но я не желалъ-бы еще разъ пройти черезъ это, такъ какъ это чувство очень тяжелое и даже страшное. Въ томъ, что я написалъ, есть какого-то рода предчувствіе близкой смерти“.

Стихотвореніе это, по собственному указанію поэта, начинается словами: „Прозрачныхъ облаковъ спокойное движеніе“... Стихи, показавшіеся поэту предвѣстниками смерти, заканчиваютъ пьеску. Вотъ они:

„Кружась медленно въ безвѣтріи лѣсномъ,
На землю желтый листь спадаетъ за листомъ;
Невольню я слѣжу за ними взоромъ думнымъ,
И слышится мнѣ въ ихъ паденіи безшумномъ:
— Всему насталъ покой, прими жъ его и ты,
Пѣвецъ, державшій стягъ во имя красоты,
Провѣрь, усердно ли ея святое сѣмя
Ты въ борозды бросалъ, оставленныя всѣми,
По совѣсти-ль тобой задача свершена,
И жатва дней твоихъ обильна иль скудна?“

А. Измайловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) По прочтеніи нѣсколькихъ строфъ изъ „Онѣгина“, Смирнова заявила Государю, что, по словамъ поэта, «онъ часто видитъ во снѣ стихи, и что они одни только и хороши». Государь улыбнулся и, по словамъ автора мемуаровъ, замѣтилъ: — «Скажите ему отъ меня, что я прошу его видѣть такихъ сновъ побольше, такъ какъ для русской поэзіи это прекрасные сны». (Ibid. 84).

Въ другомъ мѣстѣ поэтъ повторяетъ: «у меня въ головѣ всегда все лучше выходитъ. Я никогда не доволенъ. Два хорошихъ стихотворенія, лучшихъ, какія я написалъ, я написалъ во снѣ, только ихъ я могъ припомнить по утру». (Ibid. 321).

**) Отъ 17 февр. 1875 г. См. «Вѣстн. Евр.»

*) Академич. изд. соч. Державина, т. VIII, Жизнь Державина, Грота, 349.

**) Записки А. О. Смирновой, изд. ред. Сѣв. В. т. I, 311 стр.

***) Ibid. 267.

О современной нейрастеніи и старомъ героизмѣ.

(Продолженіе *).

VI.

Наше отечество, вообще, не пользуется большимъ сочувствіемъ Европы. Никакія „альянсы“ и модныя увлеченія „славянскими типами“ и русскими гениальными писателями, напоминающими будто бы буддистовъ своимъ міросозерцаніемъ, — не поднимаютъ нашего культурнаго

престижа въ глазахъ „старшаго брата“. При случаѣ и даже безъ всякаго случая, просто по вѣковому влеченію сердца, у этого брата всегда найдется самое юродственное слово на счетъ московскаго варварства — во всѣхъ его видахъ.

Но въ одномъ отношеніи мы успѣли стяжать не только признательность, а даже удивленіе Европы. Прямо нѣчто новѣйшее! По существу мы скифы и татары, температура у насъ почти сибирская, нравы чисто-азиатскіе, — и вдругъ въ области художественныхъ увлеченій мы благодарнѣйшій матеріалъ на свѣтѣ.

Нигдѣ нѣтъ такого количества театральныхъ психопатовъ и особенно психопатокъ, нигдѣ нельзя и представить такого *гипнотическаго* поклоненія „любимцамъ“ и „любимицамъ“ публики, — по свидѣтельству иностранцевъ — поклоненія назойливаго, отъ котораго приходится жутко и нестерпимо досадно самимъ предметамъ русскихъ эстетическихъ восторговъ.

Сальвини, напримѣръ, счелъ нужнымъ даже пожаловаться Европѣ на нашихъ театраловъ. Несчастная вышла мораль, въ родѣ той, напримѣръ: — заставь дурака молиться — онъ весь лобъ расшибетъ! По мнѣнію италіанскаго артиста, — театральнѣйшій, попавшій на русскую сцену, является „злополучнымъ“ созданіемъ. Ему не даютъ, во время спектакля, вести, какъ слѣдуетъ, своей роли, поминутно прерываютъ аплодисментами и вызовами, а по окончаніи спектакля — подвергаютъ истинной пыткѣ: заставляютъ выходить на сцену разъ пятнадцать,

двадцать и даже тридцать, оглушаютъ оваціями генія, который обливается потомъ и страстно желаетъ лишь одного — уйти и лечь спать. Нѣтъ! Московскіе психопаты ждутъ несчастнаго у дверей уборной, у выхода изъ театра, выстраиваются въ два ряда, вымаливаютъ у него взглядъ, рукопожатіе, провожаютъ до квартиры съ неостывающими припадками сочувствія...

Это называется любить искусство до самоубвенія, до невмѣняемости, до трезвона во всѣ колокола и до готовности расшибиться и разыграть самаго жалкаго шута, лишь бы наша жертва была упитана оваціями до одуренія, до тошноты.

И слава о насъ прошла по всей театральной Ев-

ропѣ. Нигдѣ не бываетъ столько гастролеровъ, сколько въ нашихъ столицахъ и даже въ губернскихъ городахъ — и при томъ по нѣскольку разъ и съ однимъ и тѣмъ же репертуаромъ и съ одинаково нигде негодными труппами. Всероссійская психопатія вызвала въ жизни совершенно исключительное явленіе, драматическій спектакль приравняла къ оперѣ или балету и знаменитыхъ трагиковъ отождествила съ феноменальными тенорами. Они, оказываютъ, тоже могутъ вляяться *солистами*, брать головокружительныя ноты

Г. Г. Ге.

Рис. Н. И. Кравченко.

въ то время, когда кругомъ нихъ всѣ остальные артисты шпляютъ, хрипятъ и говорятъ нечеловѣческими голосами. Для меломана это понятно: ему нужна именно нота, арія, музыкальный и вокальный монологъ, — ради одной какой-нибудь каватини солиста онъ безъ особеннаго насилія надъ своимъ терпѣніемъ переждетъ жестокія упражненія другихъ пѣвцовъ и ничего не потеряетъ въ своемъ наслажденіи.

Но можно ли что либо подобное представить въ *драмѣ*? Въ оперѣ дѣйствіе, идея — предметы вполне второстепенныя, — въ драмѣ безъ нихъ нѣтъ смысла. А если это такъ, слѣдовательно, каждое звено въ этомъ дѣйствіи, каждая черта въ идеѣ — особенно въ дѣйствіи и идеѣ гениальнаго произведенія, — исполнены смысла и жизни. Устранить ихъ или извратить — значитъ нанести смертельный ударъ общей красотѣ драмы, даже больше — совершить величайшую неточность съ точки зрѣнія простаго здраваго смысла.

Возьмите, напримѣръ, какой-нибудь типъ въ шекспировской трагедіи, положимъ, Отелло и Яго, и представьте: Отелло — великъ и прекрасенъ, а Яго играетъ ниже критики. Не будетъ ли это то же самое, какъ

*) См. № 47 и 48. Нѣкоторыя замѣчанія по поводу статьи г. Ив. Иванова смотри ниже въ «Театральныхъ замѣткахъ».

если бы въ оперѣ великолѣпнѣйшій пѣвецъ пѣлъ подъ кошачій концертъ въ оркестрѣ? Въ оперѣ это кажется чудовищнымъ, но въ драмѣ вполне узаконено нашимъ вкусомъ: Росси—Ромео изощряется въ страстныхъ чувствахъ предъ существомъ, едва похожимъ на женщину, а не то, что на достояннѣйшую воплотительницу Джульетты; Мунэ-Сюлли—Отелло показываетъ всѣ признаки безумной любви къ какой-то *femme de Halles*, Кокленъ—Тартюфъ раскрываетъ неисчерпаемыя сокровища преступнаго увлеченія и лукавѣйшей въ мѣрѣ политики предъ дамой монументальной внѣшности и заматорѣлой души... И такъ безъ конца—друзья одинъ другого нелѣпѣе на самый элементарный эстетическій взглядъ.

На родинѣ всѣ нашими гастролерами немислимы подобныя приключенія. У французскихъ знаменитостей имѣется свой постоянный антуражъ, а итальянскихъ—ихъ отечественная публика—прогнать со сцены въ буквальномъ смыслѣ слова, если они позволяютъ себѣ устроить драматическій монологъ въ пять актовъ при содѣйствіи шутковъ и манекеновъ. Естественно, наши гости не питаютъ къ намъ большаго уваженія, несмотря на лавры и психопатическіе приемы и, возвратившись домой, спѣшатъ подѣлиться съ своими соотечественниками и своими впечатлѣніями, даже оскорбительнѣйшимъ образомъ посмѣяться надъ московитской широкой натурой, не знающей ни мѣры, ни удержу даже въ тѣхъ случаяхъ, когда взволнованный зритель, навѣрное, понимаетъ только съ пятого на десятое въ иностранной рѣчи артиста.

Такъ велось у русскихъ людей изъ рода въ родъ, и глубоко несправедливы были тѣ, кто уличалъ насъ въ душевной усталости и въ сердечномъ холодѣ,—развѣ тогда была бы возможна такая неугомонная буря сильныхъ ощущеній и ради чего же? Въ полномъ смыслѣ ради романтическихъ, сверхчеловѣчески-величавыхъ трагическихъ образовъ. Мы, не переводя духу, привѣтствовали Гамлетовъ и Отелло всѣхъ національностей и на всѣхъ языкахъ, горячо обсуждали ихъ достоинства и недостатки, защищали своихъ избранниковъ за „искусство“, „яркость“, „глубину“ игры и негодовали на ихъ соперниковъ за „блѣдность“ и „невѣрность“ роли. Спектакли выходили предисловіями къ диспутамъ и лекціямъ—и вовсе не между учеными и специалистами, а среди вполне обыкновенныхъ смертныхъ,—въ театральномъ фойе и дома за чайнымъ столомъ...

Но, кажется, наступаетъ настоящій эстетическій кризисъ въ наше время безконечныхъ кризисовъ! Не придется больше заграничному таланту жаловаться на назойливость русскихъ театраловъ; пожалуй, установится совсѣмъ другой порядокъ вещей, гораздо болѣе прискорбный для нашихъ избалованныхъ гостей. Всего какихъ-нибудь семь лѣтъ назадъ даже Поссартъ, развѣ только во снѣ грезившій о гениальности, на московскихъ стѣнахъ провозглашался гениемъ. Теперь, надо полагать, его танцмейстерское и речитативное искусство встрѣтило бы сочувствіе развѣ только у истерическихъ старичковъ съ эстетикой очаковскихъ временъ, какъ извѣстно, умѣвшихъ необыкновенно свободно сливать вмѣстѣ непосредственную органическую пошлость съ младенческимъ зудомъ къ кукольному трагизму, съ маскарадною фязіономіей и на красныхъ каблучкахъ.

Мы такъ думаемъ на основаніи многихъ опытовъ самыхъ послѣднихъ лѣтъ, и, особенно, послѣ только что закончившихся гастролей г. Мунэ-Сюлли.

У.

Это старый московскій знакомый. Едва прошло семь лѣтъ послѣ перваго его пріѣзда въ Москву,—и мы еще не успѣли забыть нашихъ впечатлѣній.

Да и трудно было: забываются или спутываются впечатлѣнія слишкомъ сложные и идеальныя,—здѣсь ничего подобнаго. Въ нашемъ представленіи остались образы необыкновенно рѣзкіе, схематичныя, эффектно блестящія, но бѣдные внутреннимъ содержаниемъ, фигуры поразительной скульптурности, но чисто декоративнаго, а не художественно-психологическаго рисунка. Каждая изъ нихъ выражала стройную гамму позъ и жестовъ,—но ни одна не просилась въ картину: воспроизведенная на полотнѣ, она вызвала бы впечатлѣніе чего-то недорисованнаго, элементарно-эскизнаго. Это звучный, часто побѣдоносно-звучащій аккордъ, но бѣдный поэзіей и идеей...

И мы помнимъ Эрнани: *Je vous hais!* пять разъ въ трехъ стихахъ кричалъ этотъ герой королю,—и съ каждымъ разомъ все сильнѣй и музыкальнѣй, будто пѣвецъ бравшій одну и ту же ноту въ разныхъ октавахъ и съ подъемомъ или пониженіемъ голоса картинно мѣнявшій позу... Получалось очень красивое зрѣлище, но зрителю невольно приходило на умъ вопросъ: ужъ не передъ зеркаломъ ли артистъ выполняетъ свои тщательно обдуманныя эволюціи?

То же самое въ „Сидѣ“ и особенно въ „Эдипѣ“... Именно такимъ величественнымъ и властнымъ долженъ быть античный полубогъ и такимъ же классически-изящнымъ и рассчитанно-царственнымъ. Отъ малѣйшаго движенія героя до послѣдней складки его плаща — торжество скульптурнаго искусства, прекраснаго и чистаго какъ мраморъ, но и ригиднаго какъ камень. Насъ ни на минуту не покидаетъ увѣренность, что все это дѣйствительно игра и представленіе. Въ самые патетическіе моменты мы безучастны сердцемъ, хотя по временамъ нервная дрожь невольно овладѣваетъ нами—подъ раскаты громовыхъ воплей, при видѣ текущей по лицу крови... *C'est grand! C'est sublime!*—хочется крикнуть и непремѣнно на французскомъ діалектѣ: только онъ можетъ вполне любезно выразить впечатлѣніе въ такихъ драматическихъ пассажахъ,—по русски же придется замѣтить совершенно прозаично: „какая это тонкая работа!“

Вотъ такими-то искусными поддѣлками и плѣняялъ французскій артистъ наши взоры и производилъ встряску нашимъ нервамъ. Чтожъ, думали мы, не мѣшаетъ иногда подвергнуться и такому испытанію: не все же отдавать искусству „лучшую кровь своего сердца“ и переживать театральныя драмы съ немнѣе глубокимъ и искреннимъ волненіемъ, чѣмъ въ жизни. Да это и случается крайне рѣдко,—можно поэтому помириться на красивыхъ страданіяхъ и на бутафорскихъ катастрофахъ.

Но все-таки—до извѣстнаго предѣла. Въ большомъ количествѣ, скульптурность позъ и музыкальность декламаціи—вещи въ высшей степени утомительныя и обнаруживаютъ всю свою неумѣтность именно на русской сценѣ, по существу правдивой и глубоко-человѣчной. Мы допускаемъ людей могучихъ, гениальныхъ, выше насъ цѣлой головой,—но только непремѣнно пусть они будутъ людьми. Страсти ихъ намъ недоступны, подвиги ихъ въ концѣ XIX-го вѣка немислимы,—но по своимъ ошибкамъ и разочарованіямъ, по своему безсилію предъ тѣмъ зломъ, въ которомъ мѣръ лежитъ, они—наши братья и муки ихъ только тѣмъ отличаются отъ нашихъ, что гораздо глубже, пожалуй—фатальнѣе. Вѣдь они—эти сверхчеловѣчки—непохожи на насъ преимущественно тѣмъ, что не гнутся, а ломаются, „не сгибаютъ спины покорно“, а предпочитаютъ возставать и кончать или съ врагомъ или съ собственной жизнью. Ихъ воля и отвага героическія, но сердце и его воспримчивость общечеловѣческія,—и тотъ артистъ

не знаетъ человѣка и не любитъ его, который въ роли героя говорить и дѣйствуетъ по „театральному“.

Мунэ-Сюлли полагаетъ иначе,—и горе ему тамъ, гдѣ его покидаютъ Корнель и Гюго съ блестящей риторикой, съ наивными эффектами, и артистъ беретъ за автора-психолога. Самая предательская компанія для него, привыкшаго рисовать сценическія картины широкими мазками и человѣческую душу подмѣнять одною ролью. Мы прекрасно помнимъ блестящія теоріи французскаго сценическаго искусства. Краснорѣчивѣ Дидро не было во Франціи человѣка и врядъ ли кто глубже любилъ театръ и вообще искусство, и онъ именно—самъ всегда пламенный, неудержимо-увлеченный—мирился съ актерскою математикой и техникой. Мы лично имѣли случай сравнить искусство риторической и рассчитанно-эффектной націи съ талантомъ другого порядка, мы видѣли Сару Бернаръ и Дузэ въ однихъ и тѣхъ же роляхъ, и особенно рѣзко остались въ нашей памяти Клеопатра и Маргарита Готье... Сару Бернаръ мы смотрѣли послѣ Дузэ,—и еще разъ убѣдились въ старой истинѣ: увлекать и трогать другихъ можетъ только человѣкъ лично увлеченный и растроганный. Да,—въ точномъ смыслѣ этихъ словъ, все равно будетъ ли это ораторъ, поэтъ, артистъ или музыкантъ.

Когда Дузэ говорила о своемъ прекрасномъ Марсѣ, о великомъ Антоніѣ, цвѣты въ ея рукахъ казались повелительныя царскаго скипетра и ея глаза и рѣчи создавали будто тысячи невидимыхъ токовъ, охватившихъ неотразимой властью безмолвную толпу,—и не было, вѣроятно, ни единого женскаго сердца, не чувшаго въ эту минуту чего-то своего родного въ трепетномъ лиризмѣ царицы.

Говорила почти тѣ же слова и Сара Бернаръ,—и мы ясно видѣли, что звуки приносились для этой только залы, а вовсе не для Антоніа, что артистка желала насъ и чернокудраго триумвира обольстить красотой голоса, истомой позы; *актриса* безслѣдно заслонила *женщину*,—и намъ невольно пришлось на умъ: бываютъ необыкновенно красивые искусственные цвѣты, красивѣе естественныхъ,—но имъ не дышать ароматомъ и не освѣжить окружающаго воздуха.

Ив. Ивановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Донъ-Жуанъ Австрійскій.

29 ноября, въ театрѣ Литературно-артистическаго Кружка состоялся бенефисъ Я. С. Тинскаго, остановившаго свой выборъ; столь стѣсненный по нынѣшнимъ временамъ, на пятиактной комедіи „Донъ-Жуанъ Австрійскій“ (въ переводѣ Л. А. Берникова „Сынъ Императора“). Казимира Делявина, въ Россіи, кажется, извѣстнаго только, какъ автора трагедіи „Людвикъ XI“.

Делявинъ поэтъ и драматургъ, членъ французской Академіи, родился 4 апрѣля 1793 г., въ г. Гаврѣ, а скончался въ Лионѣ 11 декабря 1848 г. Первымъ опытомъ его на драматическомъ поприщѣ была трагедія „Сициліанскія вечерни“, которая была представлена на сценѣ театра „Одеонъ“ съ выдающимся успѣхомъ. Ранѣе того, она долгое время валялась въ театрально-литературномъ комитетѣ „Французской Комедіи“, который, какъ извѣстно, состоитъ исключительно изъ артистовъ-общниковъ. Этотъ ареопагъ безжалостно забраковалъ пьесу молодого начинающаго драматурга. Одна хорошенькая актриса, на амплу *ingénue*, такъ, на примѣръ, мотивировавъ свое мнѣніе: „Je refuse l'ouvrage, parce que je la trouve mal écrite“.

Слѣдующей пьесой Делявина была комедія „Лицедеи“, гдѣ онъ изобразилъ страдающаго начинающаго автора, пьесу котораго сначала артисты бракують, а потомъ начинаютъ репетировать, нехотя и спустя рукава. Рядомъ съ этимъ по рукамъ артистовъ ходитъ рукопись

пьесы, приписываемой перу одного знатнаго высокопоставленнаго лица. Всѣ артисты отъ нея въ восторгѣ и горячо превозносятъ достоинства пьесы. Въ концѣ концовъ, кто-то неосторожно разворачиваетъ рукопись и оказывается, что пьесы ровно никакой нѣтъ, а просто чистый листъ бумаги, свернутый въ трубочку. Въ комедіи выведены всѣмъ извѣстные и до сихъ поръ еще живые типы: первый любовникъ, страдающій общимъ ожиреніемъ и одышкой, старѣющая драматическая актриса, требующая отъ автора, чтобы онъ прибавилъ что нибудь къ ея роли или сократилъ роль ея соперницы, хорошенькой *ingénue*, и т. п.

За „Лицедеями“ послѣдовалъ цѣлый рядъ пьесъ, изъ которыхъ наиболѣе выдающимися произведеніями Казимира Делявина слѣдуетъ считать: трагедію въ стихахъ „Людвикъ XI“ и комедію въ прозѣ „Донъ-Жуанъ Австрійскій“.

„Донъ-Жуанъ Австрійскій“ былъ представленъ въ первый разъ на сценѣ Французской Комедіи, 17 октября 1835 г., съ громаднымъ успѣхомъ. Слухъ вскорѣ дошелъ и въ Россію; но тогдашняя драматическая цензура дозволила пьесу къ представленію на французскомъ языкѣ подъ условіемъ уничтоженія всѣхъ лицъ духовнаго званія, но русские же совершенно воспретили, мотивируя такое суровое рѣшеніе тѣмъ, что „Монархъ, забывая свой высокій санъ, пылаетъ плотской страстью“.

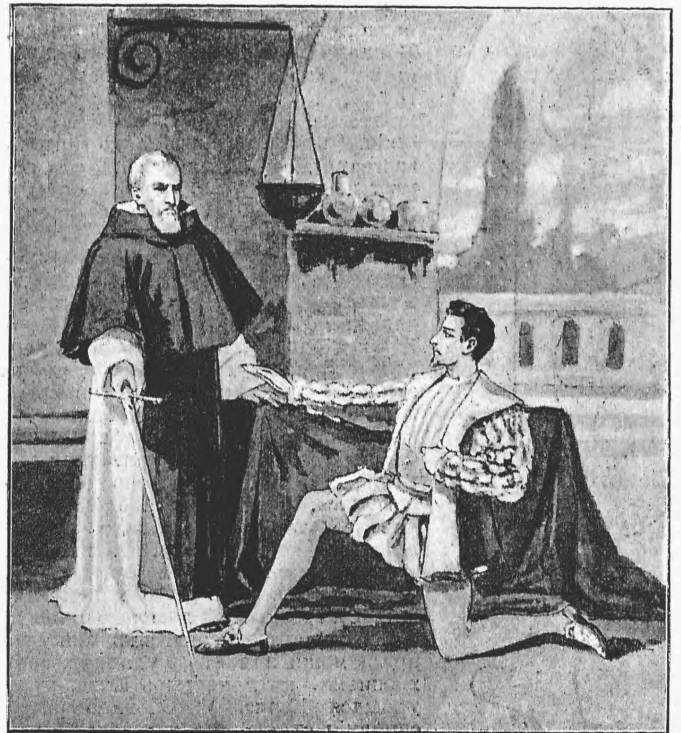
Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію содержанія пьесы, нелишне освѣжить въ памяти краткія историческія данныя о личности ея героя: Принцъ Донъ-Жуанъ Австрійскій, знаменитый испанскій полководецъ, побочный сынъ Карла V, короля Испанскаго и Императора Священной Римской Имперіи, родился въ Регенсбургѣ 24 февраля 1545 г., а скончался въ Нидерландахъ въ 1578 году. Воспитанъ былъ въ тайнѣ дономъ Лунсомъ Квессада, человѣкомъ близкимъ и преданнымъ Императору. Тайну своего происхожденія Донъ-Жуанъ узналъ на шестнадцатомъ году отъ роду.

Донъ-Жуанъ былъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ полководцевъ своего времени, отличался храбростью, великодушіемъ и честнымъ, открытымъ характеромъ. Онъ былъ превосходный наѣздникъ, красавецъ собой, обладалъ прекраснымъ тѣлосложеніемъ и рѣдкой граціей и изяществомъ. Брантомъ въ своей хроникѣ, на своемъ своеобразномъ языкѣ, выражается про Донъ-Жуана, что онъ былъ „très doucement regardé et bien venu des dames“.

Делявинъ воспользовался историческими матеріалами слѣдующимъ образомъ.

Карлъ V довѣрялъ дону Квессада тайну рожденія юнаго Донъ-Жуана и возложилъ на него заботы по воспитанію ребенка, предписавъ дать ему воспитаніе строгое и аскетическое, сообразно предстоящей ему духовной

«ДОНЪ-ЖУАНЪ АВСТРІЙСКІЙ».

3 дѣйствіе. Передача Донъ-Жуану шпаги Франциска.

Рис. С. С. Соломко.

карьерѣ. Но Донъ-Жуанъ, по врожденной склонности къ приключеніямъ, а также изъ страстной любви къ одной красавицѣ Андалузіи, совершенно не оправдалъ надеждъ своего воспитателя: наружно подчиняясь его требованіямъ и проводя дни будто бы на молитвѣ, ночи посвящая любовнымъ проказамъ. Король Филиппъ II, желая лично удостовериться какъ исполняются предначертанія отца и

По освобожденіи изъ монастыря, Донъ-Жуанъ, конечно, прямо устремляется къ своей невѣстѣ, но не застаётъ ее дома, такъ какъ ее потребовали на допросъ въ священнѣйшій инквизиціонный трибуналъ. Это дѣло рукъ короля, надѣющагося, такимъ образомъ, застрашить молодую дѣвушку. Король готовъ даже прибѣгнуть къ насилію. Тогда донья Флоринда, забывъ всякій страхъ, прямо заявляетъ ему, что она еврейка. Набожный и суевѣрный Филиппъ отступаетъ съ ужасомъ и отвращеніемъ. На шумъ происходящей между ними борьбы изъ сосѣдней комнаты врывается Донъ-Жуанъ, оскорбляетъ своего соперника и, видя, что тотъ не намѣренъ дать ему удовлетвореніе, замахивается на него шпагой, желая нанести ударъ по лицу. Донья Флоринда въ ужасѣ бросается между ними и открываетъ инкогнито короля. Шпага падаетъ изъ рукъ Донъ-Жуана.

Въ послѣднемъ актѣ Донъ-Жуанъ и донья Флоринда оба арестованы и обречены на казнь, онъ за оскорбленіе величества, она — за отпаденіе отъ христіанской вѣры въ іудейство. Король, въ которомъ страсти уже улеглись, но злоба и зависть къ Донъ-Жуану только усилились, въ виду заступничества донна Квессада, рѣшается однако, помиловать Донъ-Жуана, но, подъ условіемъ, чтобы онъ отказался отъ доньи Флоринды и принялъ монашество. За это король обѣщаетъ сохранить ей жизнь. Но въ эту минуту появляется Карлъ V, который, въ присутствіи грандовъ и государственныхъ чиновъ, торжественно признаетъ Донъ-Жуана своимъ сыномъ, заставляетъ братьевъ обняться и испрашиваетъ прощеніе доньи Флоринды. Послѣдняя, узнавъ о высокомъ званіи жениха, сама отъ него отказывается, не смотря на всѣ его мольбы.

Въ пьесѣ, какъ не трудно видѣть, много условно театральнаго въ старинномъ родѣ, но рука мастера сказывается во всемъ, и „Донъ-Жуанъ“ имѣетъ право на вниманіе публики. Законченность сценическихъ формъ заставлятъ зрителя забывать и о поверхностной обработкѣ историческаго матеріала, и об условности, такъ называемаго, психологическаго анализа. Переводъ сдѣланъ легкимъ, живымъ и свободнымъ языкомъ и изобличаетъ въ переводчикѣ хорошаго знатока сцены. Исполненіе отличалось оживленностью и возможною для русскихъ актеровъ стильностью.

Гримы всѣхъ историческихъ лицъ въ пьесѣ сдѣланы по соответствующимъ портретамъ того времени. Такъ, на примѣръ, гримъ г. Далматова (Филиппъ II) и его костюмъ IV дѣйствія представляютъ точное воспроизведеніе портрета короля Филиппа въ молодости, работы Тициана, хранящагося въ Неаполитанскомъ музеѣ. Гримъ г. Бранича сдѣланъ по картинѣ французскаго художника Робера Флери „Карлъ V въ монастырѣ Юста“, а г. Тинскаго (Донъ-Жуанъ) — по старинной гравюрѣ изъ сборника

«ДОНЪ-ЖУАНЪ АВСТРИЙСКІЙ».

Л. А. Берниковъ (переводчикъ).

его собственныя, внезапно приѣзжаетъ инкогнито къ дому Квессада въ Толедо. Въ очень веселой сценѣ, Донъ-Жуанъ, со свойственною ему веселостью и прямодушіемъ, откровенно высказываетъ королю свои вкусы, наклонности, планы на будущее и даже доверяетъ тайну своей любви. Монархъ разгнѣванъ, но, въ качествѣ тонкаго политика, смиряетъ свой гнѣвъ, предоставляя себѣ распорядиться съ Донъ-Жуаномъ впослѣдствіи. Въ слѣдующемъ актѣ зритель застаётъ Донъ-Жуана у ногъ его невѣсты, доньи Флоринды де-Сандоваль. Молодая дѣвушка сознается жениху, что она только наружно и официально исповѣдуетъ католическую вѣру, въ сущности же, она убѣжденная еврейка, и строго въ тайнѣ хранитъ вѣру отцовъ своихъ. Донъ-Жуанъ, однако, такъ влюбленъ, что рѣшается махнуть рукой на предразсудки. Къ доньѣ Флориндѣ является король, который пока извѣстенъ ему лишь подъ именемъ графа Санта-Фіорэ. Это та самая неизвѣстная дѣвушка, въ которую король безумно влюбился, разъ случайно повстрѣчавъ ее въ аллеяхъ Прадо. Оставшись съ ней наединѣ, Филиппъ II тутъ же открываетъ ей свои чувства, причемъ говоритъ тономъ не молящимъ, а грознымъ и повелительнымъ.

Третій актъ переноситъ зрителя, при помощи ловкаго и удачнаго анахронизма, въ монастырь Юста, куда укрылся Карлъ V. Сцена перваго свиданія съ сыномъ и передача ему завѣтной шпаги короля Франциска довольно трогательна и захватываетъ вниманіе зрителя.

Рис. С. С. Соломко.

«ДОНЪ-ЖУАНЪ АВСТРІЙСКІЙ».

Второй актъ.

Рис. С. С. Соломко.

рисунковъ въ великогерцогской библиотекѣ въ Дармштадтѣ. Г. Орленевъ (послушникъ Пабло)—можно сказать копія картины Мурильо, хранящейся въ Эрмитажѣ и известной подъ названіемъ „Мальчикъ съ собакой“.

Бенефициантъ, г. Типскій, былъ предметомъ самыхъ горячихъ и восторженныхъ овалій. Декораціи къ пьесѣ сдѣланы чудесныя. Особенно хороша декорація монастыря и вида въ 3 актѣ, — кажется, работы Лютке-Мейера.

Ник. Негоревъ.

ХРОНИКА

театра и искусства.

Нѣсколько новостей.

Г-жамъ Жулевой и Савиной пожаловали званіе „заслуженныхъ артистокъ“.

Русскому Театральному Обществу предоставлено на

тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ разрѣшенъ для провинці „Новый міръ“, ходатайствовать, при согласіи губернаторовъ, о постановкѣ „Бирона“.

Въ послѣднемъ засѣданіи Литературно-театрального Комитета одобрена пьеса И. В. Шнажинскаго „Предѣлъ“

* * *

6-го декабря, въ 1 ч. дня, въ фойе артистовъ Александринскаго театра состоится чрезвычайное Общее Собраніе членовъ Русскаго Театрального Общества.

Того же дня, въ 2 ч., въ убѣжищѣ Русскаго Театрального Общ. для престарѣлыхъ артистовъ будетъ отслуженъ молебень.

* * *

Новая затѣя „Художественно-общедоступнаго“ театра которой могли бы позавидовать прогорѣвшіе антрепренеры. Это—постановка на сценѣ нѣкоторыхъ рассказовъ, главнымъ образомъ, А. П. Чехова. При помощи синематографа на поставленномъ въ глубинѣ сцены экранѣ будетъ изображена внѣшняя обстановка рассказа, а затѣмъ рассказъ

будетъ читаться артистами труппы. Цѣны на мѣста, вѣроятно, будутъ понижены... или, можетъ быть, повышены.

* * *

«С. От.» изъ достовѣрнаго источника сообщаетъ, что отставка В. А. Мичуриной, не принята. Артистка предоставленъ въ виду болѣзни, которой было мотивировано прошение объ отставкѣ, отпускъ съ сохраненіемъ получаемого содержанія.

* * *

Русскому Театральному Обществу разрѣшено выставить въ фойе театровъ кружки для сбора пожертвованій въ пользу учрежденій этого общества.

* * *

Михайловскій театръ. 27 ноября для бенефиса г. Русселя была возобновлена старая комедія Сарду «Les Ganaches», въ первый разъ поставленная въ Парижѣ на сценѣ театра Gymnase въ 1862 году. Подъ словомъ «les ganaches» авторъ разумѣлъ отсталыхъ, тугихъ рутинеровъ, живущихъ идеалами и понятіями прошлаго вѣка. Въ лицѣ почти столѣтняго старца герцога Рошпена, живущаго традиціями царствованія Людовика XV и его сына маркиза (г. Мишель и Вальбель), Сарду выставилъ легитимистовъ; республиканецъ изображенъ имъ въ лицѣ хирурга Леонида Воклена (г. Бруэттъ), убѣжденнаго сторонника революціи и гильотины. Далѣе слѣдуетъ цѣлая галерея карикатурныхъ типовъ. Ярый приверженецъ старины фабрикантъ Фромонтель (г. Лортеръ), нажившій состояніе поставкою консервовъ республиканской арміи, его сынъ Юрбенъ (г. Дюлэ)—молодой фатъ прошлаго столѣтія, старая дѣва Розалія де-Форбакъ (г-жа Деклоза) и другіе.

Разыграна пьеса была, въ общемъ, очень недурно г-жей Дюксъ, г. Лортеръ, Дюлэ и бенефициантомъ. Для начала спектакля была поставлена одноактная пьеса Карре «Ma femme est docteur», мило исполненная г. Мори и г-жею Сальмонъ.

Ю. М.

* * *

Въ текущемъ сезонѣ исполнится пятидесятилѣтіе артистической дѣятельности ветерана нашей балетной труппы, Л. И. Иванова. Окончивъ курсъ въ театральному училищѣ, маститый артистъ, уже съ первыхъ лѣтъ своей службы, обратилъ на себя вниманіе, какъ талантливый танцовщикъ, отличавшійся недюжинными способностями и изысканномъ манеръ. Съ тѣхъ поръ артистическое имя г. Иванова росло съ каждымъ годомъ. Во время своего пребыванія на казенной сценѣ онъ переигралъ цѣлыя сотни ролей и создалъ не мало художественныхъ образовъ, изъ которыхъ всегда останутся въ памяти петербургскихъ балетомановъ: Корсаръ, Фламиній Мендоза («Бандиты»), Солоръ («Валдерка»), Али-Бенъ Тамаратъ («Зорайя») и пр. Конькомъ же Л. И. Иванова всегда считались характерные танцы, а въ особенности испанскіе и италіанскіе. Въ исполненіи г. Иванова «Морена» въ бал. «Донъ-Кихотъ» (съ г-жею Евг. Соколовой), норвежскій танецъ въ бал. «Дочь Снѣговъ» (съ г-жею Горшенковой) когда-то вызывали бурю рукоплескавій. Съ 1882 г. по 1885 г. Л. И. Ивановъ исполнялъ обязанности главнаго режиссера, а въ 1885 году, во вниманіе къ его сценическимъ заслугамъ, былъ назначенъ вторымъ балетмейстеромъ. Отличаясь выдающеюся памятью, изяществомъ вкуса и полетомъ фантазіи, г. Ивановъ можетъ смѣло считаться даровитымъ балетмейстеромъ. Помимо безчисленныхъ танцевъ, поставленныхъ имъ въ оперѣ, можно указать до десятка его балетовъ, когда-то пользовавшихся большимъ успѣхомъ и даже до настоящаго времени не сходящихъ съ репертуара. Въ числѣ такихъ балетовъ, я прежде всего назову «Гарлемскій тюльпанъ», «Волшебная флейта», «Очарованный лѣсъ», «Лебединое озеро», «Дочь Микадо», «Шалость амура», «Щелкунчикъ», «Млада» (опера-балетъ) и др. Многіе изъ нашихъ балетовъ поставлены Л. И. Ивановымъ совместно съ М. И. Петниа, какъ, напр., «Золушка», «Коппелія», «Тщетная предосторожность», «Фиаметта» и др. Не малую услугу Л. И. Ивановъ оказалъ балетной сценѣ и своимъ педагогическимъ трудомъ въ театральному училищѣ. Къ числу его ученицъ принадлежатъ танцовщицы: г-жи Вергина, Ваземъ, Евг. Соколова, Горшенкова, Никитина, Кше-сивская 2-я, Преображенская, Куличевская и многія другія.

Н. Ф.

* * *

Намъ пишутъ изъ Москвы. Въ Большомъ театрѣ труппа г. Федоровъ выступилъ въ партіи Раули («Гугеноты») съ крупнымъ успѣхомъ. Въ партіи пажы очень понравилась г-жа Эйхевальдъ, выступившая въ первый разъ въ настоящемъ сезонѣ. Въ балетѣ, 5-го декабря, будутъ поставлены «Волшебныя грезы», новый балетъ, г. Померанцева. Г. Померанцевъ— студентъ ученикъ проф. Та-нѣва.

Въ Маломъ театрѣ состоялось 25-го ноября торжественное чествованіе В. А. Макшеева по случаю исполнива-

гося 25-лѣтія служенія его на Малой сценѣ. Чествовали В. А. Макшеева—при открытомъ занавѣсѣ: отъ драматической труппы—С. А. Черневскій произнесъ небольшую рѣчь и подалъ золотой жетонъ съ брилліантами;—отъ петербургской драматической труппы подалъ въянокъ Л. М. Кондрачевъ. Затѣмъ слѣдовалъ рядъ цвѣточныхъ и цѣнныхъ подарковъ, между ними отъ автора «Свадьбы Кре-чинскаго»—Сухова-Кобылина. Среди публики были Оберъ-Прокуроръ Св. Синода К. П. Побѣдоносцевъ и дочь г. Сухова-Кобылина. «Закатъ» все время дѣлаетъ сборы—съ аншлагами. 9 декабря состоится первое представленіе новой пьесы «Завѣщаніе».

Въ Новомъ театрѣ 26 ноября возобновлена была комедія А. А. Фодотова «Хрущевскіе помѣщики», собравшая полный зрительный залъ. 7 декабря даны будутъ въ первый разъ «Вѣтеръ» Гольдони и «Игроки» Гоголя.

Въ Художественно-Общедолупномъ театрѣ репетируютъ «Везденежье» Тургенева и «Одинокіе» Гауптмана. Голубева выбрала для своего пераго бенефиса въ театрѣ Корша пьесу «Перчатка», не совѣмъ оправдавшую ожиданія публики. Слѣдующій бенефисъ г. Чипарова. Назначены къ постановкѣ: «Свекровь и невѣстка», комедія, въ переводѣ г. Корша.

Въ театрѣ «Водевиль-концертъ» состоялся первый бенефисъ артиста А. С. Полонскаго. Поставленный въ первый разъ новый фарсъ «Въ силкахъ» идетъ ежедневно и дѣлаетъ хорошіе сборы.

Новый.

* * *

9 декабря въ Московскомъ Маломъ театрѣ состоится первое представленіе новой пьесы А. П. Гнѣдича «Завѣщаніе».

* * *

Провинціальныя вѣсти.

Г. Шуваловъ и г-жа Велизарій подписали контрактъ на два года къ Соловцову, съ окладомъ 1300 рублей въ мѣсяцъ.

Изъ Москвы на лѣто отправляются двѣ поѣздки—одна подъ управленіемъ г. Строева и Платона—въ составъ труппы входятъ гг. Южинъ, Рыбаковъ, Макшеевъ, г-жа Яблочкина; другая съ г-жею Лешковской и г. Правдинымъ во главѣ. Въ Минскѣ постомъ будетъ играть часть труппы Императорскаго московскаго малаго театра подъ управленіемъ г. Строева

Народный театръ въ Ковно снятъ г. Давыдовымъ, недодержавшимъ въ прошломъ году антрепризу въ Симбирскѣ.

Лѣтній театръ городского сада въ Воронежѣ арендованъ г. Бориславскимъ, сдавать онъ его будетъ гастрольнымъ труппамъ. Въ саду «Эрмитажъ» предполагаетъ строить новый театръ г. Лиятваревъ.

Въ «Новости» телеграфируютъ, что одесскій городской театръ окончательно сданъ былъ Соловцову. Нынѣшній антрепренеръ одесскаго городского театра, Сибириковъ, являющийся, по мнѣнію корреспондента, крупнымъ капиталистомъ и большимъ знатокомъ (sic!) театрального дѣла, намѣренъ соорудить собственный грандіозный театръ.

* * *

2 декабря, на сценѣ Александринскаго театра, въ бенефисъ П. Д. Ленскаго, шла въ первый разъ новая пьеса П. Д. Боборыкина «Накипъ». Пьеса имѣла крупный успѣхъ, объясняемый столько же приятной литературной манерой г. Боборыкина, сколько и интересомъ затронутой темы—о декадентствѣ, марксизмѣ и другихъ модныхъ вѣяніяхъ. Подробности до слѣдующаго №.

* * *

Надняхъ, въ Кишиневѣ сгорѣлъ циркъ, въ которомъ подвизался клоунъ А. Дуровъ. Пожаръ уничтожилъ почти все цирковое имущество и теперь служившіе въ циркѣ просятъ вспомошествованія какъ на дневное пропитаніе, такъ и на выѣздъ изъ Кишинева. Предполагаютъ, что причиной пожара былъ поджогъ; производится дознаніе. Народная молва называетъ даже имя поджигателя.

* * *

Н. Н. Фигнеръ снялъ, какъ говорятъ, одесскій театръ на великій постъ.

* * *

Режиссеръ Омской труппы Г. К. Невскій проситъ насъ сообщить, что 20 декабря въ г. Омскѣ, въ зимнемъ театрѣ, будетъ праздноваться 20-ти лѣтній юбилей сценической дѣятельности артиста Н. И. Ржевскаго (Хавскаго). Въ день своего юбилея Н. И. выступитъ въ роли Фамусова.

* * *

Г-жа Марковичъ.

Въ роли пажа въ «Гугенотахъ», 26 ноября, выступила новая артистка нашей оперы г-жа Марковичъ, съ успѣхомъ дебютировавшая нынѣшней весною. У артистки симпатичный голосъ. Поетъ она музыкально и съ благороднымъ выраженіемъ.

Въ Одессѣ организуется «Южно-русское драматическое Общество». Неизвѣстно, проявитъ-ли оно свою дѣятельность, или будетъ такимъ-же мертворожденнымъ, какъ Пушкинское общество, уставъ котораго недавно утверждёнъ и о которомъ — ни слуху, ни духу: цѣли намѣчены широкія. — Очевидно, имѣется въ виду создать на югѣ свое, отдѣльное, Театральное Общество. Въ проектѣ устава говорится и о содѣйствіяхъ прогрессу театра, и о другихъ высокіхъ цѣляхъ. Все это прекрасно. Но вотъ что заставляетъ задуматься. На учредительскомъ собраніи пѣкто г. Артемьевъ, антрепренеръ опереточныхъ и фарсовыхъ представлений, внесъ предложеніе объ устройствѣ имѣящаго рядъ «festspiel»-ей для образованія основнаго фонда Общества, причѣмъ пьесы самаго балаганнаго свойства. Но этого еще мало: г. Артемьевъ приглашаетъ любителей для исполненія ряда фарсовъ, причѣмъ часть сбора съ этихъ представлений тоже жертвуетъ новому Обществу. Превосходная затѣя. Члены серьезнаго Театральнаго Общества, кувыркающіеся на сценѣ, для кармана г. Артемьева, великодушно уступающаго гроши отъ сборовъ ничего ему не стоящей любительской труппѣ!.. Сомнительно, чтобы, при такой серьезности начинаній, что-нибудь вышло изъ этой затѣи.

2-го декабря скончался нѣкогда, до введенія попечительства о народной трезвости, извѣстный и дѣятельный «народной увеселитель» балаганщикъ Малафѣевъ. Одно время это было почти нарицательное имя для извѣстнаго характера пьесъ и репертуара.

«На старой мельницѣ» А. Вебера. Пьеса не даетъ повода къ долгимъ размышленіямъ. Авторъ нашель, въ сущности, хорошій сюжетъ, но излишне запуталъ его, затѣмъ самъ, повидимому, запутался въ немъ и, желая сказать очень много, въ концѣ концовъ, сказалъ слишкомъ мало... Тутъ и кусочекъ мелодрамы, и кусочекъ психологіи, и немного наслѣдственности по Ломброзо, и немного реализма по Зудерману. Авторъ не сумѣлъ да и не успѣлъ исчерпать всѣ эти составныя части своей пьесы — и въ итогѣ получилась скорѣе схема пьесы, нѣчто вродѣ краткаго повторительнаго курса, гдѣ все намѣчено, но ничто не развито до предѣловъ истинной драмы.

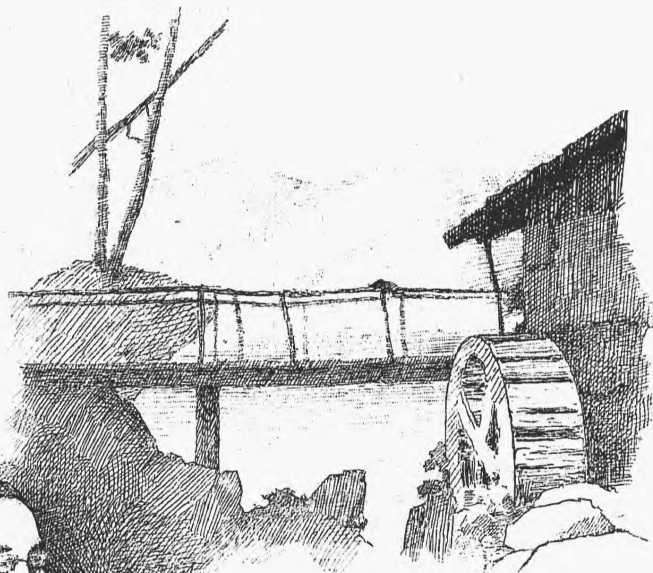
Содержаніе.. Содержаніе вы узнаете изъ самой пьесы, которая приложена къ этому № нашего журнала. Мнѣ хочется только указать, что намѣчено авторомъ, и что имъ не выполнено. Вся исторія съ незаконнорожденной Эльзой довольно темна. Родилась она отъ сожительства Евы съ мужемъ старшей ея сестры Доры. Какъ удалось тогда на виду у всѣхъ скрыть этотъ скандалъ?.. Чѣмъ объяснили отъѣздъ на всегда изъ роднаго угла Евы, которую изгнала Дора?... Какъ это устроила Дора, что безъ всякихъ видимыхъ причинъ у нея вдругъ оказалась дочь?.. Темна вода во облацѣхъ!.. Теперь о Евѣ... Что это за развратница, посылающая свою обожаемую дочь на свиданіе съ совершенно неизвѣстнымъ ей человѣкомъ?.. Далѣе, что это за выродецъ мужъ Евы, — Шнакенбургъ, который послѣ многихъ лѣтъ счастливаго супружества бросаетъ жену за то только, что до брака съ нимъ она разъ согрѣшила?..

Если бы продолжать вопросы, то скоро пришлось-бы кончить... Характеристики дѣйствующихъ лицъ въ высшей степени поверхностны, развитіе интриги не мотивировано, чувствуется въ пьесѣ что-то тенденціозное, но что именно — уловить нельзя. Въ общемъ, жаль пьесу, въ которой безусловно имѣется богатый матеріалъ, проглядываетъ авторская изобрѣтательность, но все это неподдѣлано, шито на живую нитку...

Играть такіа пьесы очень трудно. Требуется, чтобы артисты комментировали намѣренія автора, дополняли то, что ими еще намѣчено. Конечно, такіа дополненія характеристикъ не вездѣ возможны и достижимы, и не вѣтъ за это на артистовъ нечего. Но, оставивъ даже въ сторонѣ подобныя требованія, надо сознаться, что исполненіе, въ общемъ, было достаточно слабое. Г-жа Савина дала нѣсколько отдѣльныхъ удачныхъ моментовъ. Г-жа Дюжикова (Дора), къ сожалѣнію, была далека отъ жизненнаго тона. Усвоенный ею мелодраматическій тонъ никоимъ образомъ не подходилъ къ современному строю пѣмечкой драмы, которая прежде всего есть драма реальная. Совѣмъ слабъ былъ г. Никольскій (мужъ Евы), который въ сценѣ разрыва съ женой изображалъ какого-то вандала, а не мирнаго мельника. Лучше былъ г. Ридаль въ эпизодической роли художника-соблазнителя. Его естественный, жизнерадостный тонъ рѣзко выдѣлялся на общемъ мелодраматическомъ фонѣ.

Не могу удержаться, чтобы не сказать нѣсколько словъ о движущемся эффектѣ, примѣненномъ въ первомъ дѣйствіи, который лишній разъ подтвердилъ высказанное мною мнѣніе по поводу такихъ эффектовъ, вообще. На заднемъ планѣ сцены бурлилъ и переливался водопадъ. Уже къ серединѣ дѣйствія этотъ движущійся водопадъ успѣлъ настолько примелькаться и надоѣсть, что многие закрывали глаза, чтобы только не видѣть этого безконечно движущагося вала, а къ концу дѣйствія прямо глазамъ ужъ стало больно смотреть на извинаящееся и вспыхивающее.

«НА СТАРОЙ МЕЛЬНИЦѢ».

А. А. Ростиславова.

вающее электрическими искрами зеленовато-синее полотно. Насколько этотъ головокружильный калейдоскопъ споспѣшествовалъ вниманію публики къ происходившему на сценѣ — рѣшить не трудно. *Импрессионистъ.*

† Г. В. Стрѣльскій. 28 ноября скончался въ Москвѣ, послѣ продолжительной болѣзни (ракъ печени), известный опереточный артистъ, Георгій Владиміровичъ Стрѣльскій (Молдавскій). Начавъ съ маленькихъ ролей въ театрѣ Корша, г. Стрѣльскій, прослуживъ одинъ сезонъ, уѣхалъ въ провинцію и втеченіи долгаго періода исколесилъ массу городовъ, пользуясь всюду большимъ успѣхомъ, какъ талаптливыи и заразително-веселый комикъ въ опереткѣ. Пролетую зиму г. Стрѣльскій антрепренерствовалъ въ Архангальскѣ. Среди артистовъ г. Стрѣльскій пользовался большою любовью, какъ прекрасный товарищъ и безусловно честный человѣкъ. Умеръ онъ 32 лѣтъ. На похоронахъ, кромѣ близкихъ родственниковъ покойнаго, изъ театральнаго міра присутствовали очень немногіе.

* * *

За границей скончалась русская оперная артистка г-жа Самойлова (наст. фам.—Гренцеръ), уроженка г. Одессы. Самойлова скончалась въ Берлинѣ.

* * *

30-го ноября начались гастроли французскаго комика Феликса Галипо, пріѣхавшаго въ Петербургъ съ нѣкоторыми изъ артистовъ парижскаго театра «Gymnase». Г. Галипо представлятель того комическаго жанра, который въ прежнее время составлялъ исключительную специальность Пале-Рояля, а въ послѣдніе годы перешелъ и на другія парижскія сцены, а именно легкаго фарса, основаннаго на сплетеніи невозможныхъ невѣроятностей и неожиданныхъ комическихъ эффектовъ. Большинство пьесъ этого репертуара хорошо извѣстны посѣтителямъ нашего Михайловскаго театра, такъ что съ этой стороны спектакли г. Галипо не представляли интереса новизны. Нѣкоторыя изъ нихъ, какъ, напр., «Бракоразводные сюрпризы», «Контролеръ спальныхъ вагоновъ», «Пикантный процессъ», шли и въ русскихъ передѣлкахъ. Что касается исполненія, то и въ этомъ отношеніи г. Галипо не проявилъ особенной оригинальности: мы видѣли все тѣ же шаблонныя приемы и манеры, какими такъ злоупотребляютъ всѣ исполнители подобныхъ пьесъ: живой, непосредственной веселости, которая увлекаетъ зрителя и заставляетъ его забывать нелѣпости пьесы, въ игрѣ г. Галипо почти незамѣтно. На нашей Михайловской сценѣ мы помнимъ не мало спектаклей въ этомъ родѣ, съ участіемъ гг. Андріэ, Лортэра, Купера, Дюплэ и другихъ, гдѣ французская «Verve» была болѣе сильной струей. Можно подумать, что артисты парижскихъ бульварныхъ театровъ или слишкомъ высоко мнѣнія о самихъ себѣ или, наоборотъ, слишкомъ невысокаго мнѣнія о петербургской публикѣ, если думаютъ удивить ее такими представленіями. Впрочемъ, можетъ быть, иного мнѣнія о публикѣ, которая оставляетъ почти пустой залъ во время спектаклей Мунэ-Сюлли и ломится на сеансы г. Фреголи и китайскихъ «чародѣевъ», — нельзя и держаться...

Галипо.

Карикатура Леандра.

Спектакли г. Галипо прошли въ общемъ недурно; артистъ видимо старался дѣлать все возможное, чтобы посмѣшить зрителей и, между прочимъ, и очень выразительно читалъ комическія монологи собственнаго сочиненія (тоже модный въ послѣднее время жанръ). Публика была довольна, много апплодировала, — и слава Богу!

Спектакли г. Галипо прошли въ общемъ недурно; артистъ видимо старался дѣлать все возможное, чтобы посмѣшить зрителей и, между прочимъ, и очень выразительно читалъ комическія монологи собственнаго сочиненія (тоже модный въ послѣднее время жанръ). Публика была довольна, много апплодировала, — и слава Богу!

Ю. М.—въ.

* * *

Нѣсколько дней назадъ, у артистки М. Я. Пуаре, кстаи замѣтить, переведенной изъ московской труппы въ петербургскую, при переѣздѣ съ николаевскаго вокзала, исчезъ съ извозчикскихъ дрожжекъ одинъ изъ ея чемодановъ съ хранящимися въ немъ деньгами и драгоценными вещами на сумму болѣе 30,000 р. Полиція удалась, однако, напасть на слѣдъ похитителя, которымъ оказался извозчикъ. Извозчикъ сознался, причѣмъ заявилъ, что похищенный имъ чемоданъ онъ по пріѣздѣ домой разрубилъ, часть находившихся въ немъ разныхъ бумагъ онъ для скрятія слѣдовъ повыбросилъ въ помойную яму, что же касается остальныхъ вещей, то онъ ими еще не успѣлъ воспользоваться, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, которыя онъ уже успѣлъ превратить въ деньги.

* * *

28-го ноября въ залѣ Павловой была представлена въ первый разъ «Ради денегъ» комедія въ 4 дѣйствіяхъ Е. А. Шабельской, съ участіемъ автора въ главной роли пьесы, фрейлейнъ Фанни.

Дѣйствіе происходитъ въ наше время въ Вѣнѣ. У инженера Мильнера, отставленнаго отъ должности за какія-то темныя дѣла, «подложина дѣтей»; изъ нихъ на сценѣ уцѣлѣли 4 (четыре) дочери: Фанни (г-жа Шабельская), зрѣлая, благоразумная, но достаточно несносная дѣва, на сторонѣ которой явно всѣ симпатіи автора, Маргарита (г-жа Делярю) не столь зрѣлая, сколь глупая («Вѣдь акціи же изъ бумаги, какъ же онѣ скачутъ?»), Людмила (г-жа Позднякова), вѣроятно, красавица и, навѣрное, будущая кокетка, Беттина (г-жа Кирова) — телеграфистка и влюбленный «бакфишъ». Семья прежде богатая, теперь живетъ бѣдно, благодаря отставкѣ отца, и отдаетъ въ наемъ комнаты молодому (русскому?) князю Саввѣ Горскому-Бѣльскому (г-нъ Кручининъ).

Первыя два дѣйствія происходятъ... на кухнѣ. На этой драматической кухнѣ или изъ этой драматической кухни мы узнаемъ, что Фанни является главой семьи и хозяйкой дома, что Беттина влюблена въ нѣкоего писца Штримера, что князь Савва — «Специалистъ по женскимъ ножкамъ» — ухаживаетъ за Фанни, а пуще за Людмилой, что Мильнеръ-отецъ поддѣлалъ векселя дочери и ему грозитъ «Сибирь» (въ Вѣнѣ!), что Маргарита выходитъ замужъ за старика-вдовца съ 9 (девятью) дѣтьми. Очевидно, въ Вѣнѣ особенно процвѣтаетъ семейное плодородіе. Вслѣдствіе этого, Фанни (въ III дѣйствіи) начинаетъ играть на биржѣ въ обществѣ какихъ-то Пфау, Леви, Шниртовъ и т. п. Въ кофейнѣ «напротивъ биржи» она между «пониженіемъ и повышеніемъ» встрѣчаетъ свою старую любовь Лойоша (г. Кремневъ), конечно, графа, который семь библейскихъ лѣтъ былъ влюбленъ въ нее. Но — увы! — счастьемъ не суждено сбыться: идеалъ графа неожиданно лѣзетъ на стулъ, чтобы громко прочесть «биржевицамъ» какую-то вечернюю телеграмму о курсовыхъ цѣнахъ, и занавѣсъ падаетъ. IV дѣйствіе — день свадьбы Маргариты съ вдовцомъ и девятью дѣтьми. Беттина вторично (по вѣнскому обычаю?) получаетъ отъ старшей сестры Фанни согласіе на бракъ съ Штримеромъ; Людмила, выманивъ у мальчишки князя 40 тысячъ, уѣзжаетъ съ нимъ, на что отецъ скромно замѣчаетъ: «И Боже мой, какая исторія!» Является графъ Лойошъ и, въ позѣ неизвѣстнаго изъ «Маскарада» (только въ свѣтлыхъ брюкахъ), предлагаетъ руку своей старой любви «мамзель Фанни». Но вдругъ оказывается, что у невѣсты страсть къ деньгамъ, что ей сейчасъ нужно идти на биржу, что она «дочь игрока» и что наследственность весьма читается въ ихъ семьѣ. Терпѣливый графъ, ждавший семь лѣтъ, не можетъ этого перенести и рѣшительно говоритъ: «прощайте!» А Фанни? Она отправляется на биржу. Г-жа Шабельская ухитрилась растащить эту канитель такъ, что каждый актъ продолжается не менѣе часу.

Вся «комедія» представляетъ нѣчто среднее между опереткой и мелодрамой на тему мифистофельскихъ куплетовъ:

На землѣ весь родъ людской
Чтитъ одинъ кумиръ священный,
Онъ царитъ надъ всей вселенной,
Тотъ кумиръ — тѣлецъ златой.

Что сказать объ исполненіи? Оно было любительское, и для любителей совершенно приличное.

Въ своемъ произведеніи г-жа Шабельская, между прочимъ, высказываетъ слѣдующія истины: «Здоровье важнѣе денегъ», «Честь женщины не зависитъ отъ биржевыхъ спекуляцій», «Добродѣтель кончается тамъ, гдѣ начинается порокъ» (или въ родѣ того); Въ тонѣ этимъ изреченіямъ можно сказать, что вздоръ начинается ровнехонько тамъ, гдѣ кончатся серьезная мысль и серьезное дѣло. О. Д.

* * *

Въ Козловѣ произошелъ театральнй крахъ, о которомъ намъ пишутъ:

Какъ уже своевременно сообщалось въ «Т. и И.», театръ еще въ прошломъ сезонѣ былъ снятъ Г. И. Леоновымъ на сезонъ 1899—1900 г. за 5,000 р., съ отопленіемъ, электрическимъ освѣщеніемъ, буфетомъ, вѣшалкой, мебелью и декорациями. Въ концѣ прошлаго лѣта г. Леоновъ передалъ аренду театра, на основаніи специальнаго пункта контракта, г. Сокольскому, который, пригласивъ въ компанію извѣстнаго провинціального актера Е. В. Лаврова, составилъ драматическую труппу подъ дирекціей «Е. В. Лаврова и В. М. Сокольскаго». Буфетъ и вѣшалка были сланы за 1,000 р.

Открытие сезона послѣдовало 1-го октября, при чемъ ранѣе предназначенная г. Сокольскимъ пьеса для открытія «Соколы и Вороны» — наканунѣ 1-го октября была замѣнена «Долгожданнымъ мѣстомъ». Первый спектакль, поставленный съ двухъ репетицій, прошелъ довольно слабо. Самъ г. Сокольскій въ роли Жадова совсѣмъ не понравился публикѣ. Со втораго спектакля начались гастроли г. Лентовскаго. По отъѣздѣ гастролера въ Тамбовѣ, интересъ публики къ театру совсѣмъ ослабѣлъ. Проѣзжіе гастролеры, какой-то гипнотизеръ и престижитаторъ, китайскій фокусникъ и тривіально

ГАСТРОЛИ ПОЛЬСКОЙ ТРУППЫ.

пресловутый гармонистъ Невскій, — если и поднимали сборы, то брали львиную долю. Тѣмъ временемъ труппа начала разлагаться. Послѣ третьяго спектакля выбылъ М. Н. Васильевъ. Затѣмъ выбылъ г. Славскій съ женой. Драматическая ingénue г-жа Владина прѣѣхала и, не сыгравъ ни одного спектакля, уѣхала. Ingénue comique, г-жа Трубникова, все время играла и драматическія роли. Вскорѣ покинулъ дѣло г. Ростовъ съ женой, затѣмъ г. Громовъ, г-жи Краснова, Солнцева и г. Кремлевскій, — словомъ въ первый же мѣсяцъ изъ труппы вышло 10 человекъ!.. Актеры объясняютъ это явленіе неуплатой жалованья, непосильнымъ трудомъ надъ чужимъ амбула и произвольными штрафами, а г. Сокольскій объясняетъ это актерскимъ своеволіемъ и не заслуженными авансами. По объясненію актеровъ, они ѣхали служить къ извѣстному имъ г. Лаврову, а оказалось, что фамилія г. Лаврова только прикрываетъ собой антрепризу неизвѣстнаго имъ г. Сокольскаго.

Была приглашена г-жа Мухаринская, красовавшаяся почему-то на каждой афишѣ въ красной строкѣ. Довольно ответственныя роли исполнялись мѣстными начинающими любителями. Въ половинѣ ноября, послѣ недѣльнаго бездѣйствія, театръ выпустилъ афишу, что вновь реорганизованной труппой, при участіи извѣстной артистки Московскихъ театровъ г-жи Брянской, представлено будетъ «Марія Стюартъ». Спектакль этотъ далъ хорошій сборъ, но самъ г. Сокольскій, въ роли гр. Лейстера, вызывалъ смѣхъ публики. 24 ноября была выпущена афиша прощальнаго спектакля остатковъ труппы, чтобы заработать для отъѣзда. Контрактъ театра передалъ мѣстной жительницѣ нѣкогда г-жѣ Родзевичъ.

Второй сезонъ не везетъ Козловскому театру!.. Не дай Богъ, чтобы владѣльцы снова превратили его въ складъ бабаку... (sic) Ч—нѣ.

* * *

Въ настоящее время въ Петербургѣ идутъ спектакли польской опереточно-драматической труппы. Ставятъ обыкновенно фарсъ, и при немъ легонькую оперетку. Труппа составлена изъ лучшихъ варшавскихъ силъ. Портреты г-жи Зимаеръ (второй Чосновской), г-жи Рапацкой и г. Рапацкаго мы даемъ въ настоящемъ номерѣ.

* * *

29 ноября состоялся бенефисъ режиссера и артиста Василеостровскаго театра А. И. Аркальева, выступившаго въ роли Жадова. Мысль, безусловно, заслуживаетъ

Г-жа Зимаеръ.
Г-жа Рапацка.
Г-нъ Рапацкіі.

одобренія: пора, наконецъ, украсить репертуаръ постановкой образцовыхъ произведеній. послѣ ряда трескучихъ мелодрамъ.

Жадовъ въ исполненіи г. Аркальева, былъ не совсѣмъ ясенъ; бенефициантъ изображалъ его какимъ-то резонеромъ-обличителемъ. Мнѣ кажется, Жадова лучше играть взрослымъ отрокомъ. «Я ребенокъ!» говорить онъ въ III дѣйствіи.

Онъ просто идеалистъ. слѣпо върушій въ трудъ, въ людей, въ свои убѣждения. Въ трудѣ онъ находить даже два наслажденія: «наслажденіе трудомъ», во-первыхъ, и наслажденіе, со спокойной совѣстью, распоряжаться своимъ добромъ, не давая никому отчета (Дѣйств. II явл. 7).

Я видѣлъ въ этой роли Самойлова. Онъ Жадова изображалъ именно такимъ, и очень удачно. У г. Аркальева многого стужевалось. Къ чему этотъ приподнятый тонъ? Жаль еще, что артистъ не можетъ «держать настроеніе». Г. Андрушевскій, видимо старательно изучалъ роль Бѣлогубова. Юсовъ (г. Львовъ), безусловно, долженъ быть менѣе грубымъ чиновникомъ и повторить роль. Женскій персоналъ не портилъ впечатлѣнія. Бенефицианта дружно вызывали. Много было подношеній.

В. Б—иі.

* * *

На Путиловскомъ заводѣ, за послѣдній мѣсяцъ, подъ вѣдѣніемъ новаго режиссера, Н. П. Филиппова, былъ данъ рядъ спектаклей, собиравшихъ каждый разъ полный залъ публики.

За это время были поставлены: «Золотая рыбка», «Клеймо», «Въ бѣгахъ», двѣ комедіи Чернышева: «Женихъ изъ долгового отдѣленія» и «Не въ деньгахъ счастье». «Пробнымъ спектаклемъ новаго режиссера была «Золотая Рыбка», давшая возможность блеснуть старательной, обдуманной постановкой. Тутъ былъ и колокольный звонъ, и бой часовъ, и кипящій самонарѣ на сценѣ, и «настоящая» кулебяка! Спектакли прошли стройно и увѣренно. Труппа пополнена и сыгралась.

Слабѣ остальныхъ спектаклей прошло «Клеймо». Лучше всѣхъ «Не въ деньгахъ счастье», вызвавшая и дружный смѣхъ въ комическихкихъ мѣстахъ, и слезы въ драматическихкихъ.

Солиднымъ успѣхомъ пользуются: г-жи Шелонина (за исключеніемъ Агніи въ «Клеймѣ», для которой она слишкомъ полна), Кондратьева; г. Ландовъ, Словакъ, Филипповъ, Долинъ и Лейманъ.

Публика и администрація, видимо, довольны репертуаромъ и исполненіемъ.

А. С.

Музыкальныя замѣтки.

Публика третьяго симфоническаго собранія (27 ноября), къ недоумѣнію своему, увидѣла у дирижерскаго пульта не музыканта-художника, а какого-то музыкальнаго чиновника, по фамиліи г. Когеля. Стоялъ онъ на своемъ мѣстѣ очень прямо и махалъ палочкой аккуратно и старательно, но никакого впечатлѣнія не произвелъ. Такъ дирижируютъ полковые капельмейстеры при провозженіи батальоновъ и эскадроновъ церемоніальнымъ маршемъ. Вообще, нельзя не подивиться гг. организаторамъ концертовъ. Берутъ они, повидимому, все, что ни сунетъ имъ берлинское агентство. Странная организація! Можно дожидаться, что дирекція расположить всѣ нѣмецкіе феррейны по алфавиту и начнетъ гаскать въ Петербургъ справа по одному. Но во всякомъ случаѣ, если публика обречена на слушаніе управнѣнней неопытныхъ дирижеровъ, то пусть ужъ лучше упражняются русскіе музыканты. Тутъ бу-

детъ, по крайней мѣрѣ, какой-нибудь смыслъ; а въ приглашеніи къ намъ разныхъ Когелей смысла нѣтъ никакого. Мнѣ сдается, что г. Когель самъ былъ чрезвычайно удивленъ, когда получилъ приглашеніе предстать предъ публикой петербургскихъ симфоническихъ вечеровъ.

Г-нъ Когель задумалъ сыграть «Манфреда» — Чайковскаго. Идея была хороша, но выполнилъ онъ ее довольно слабо. «Манфредъ», на мой взглядъ, принадлежитъ къ великолѣпнѣйшимъ произведеніямъ П. И. Чайковскаго. Написанъ онъ на программу, навѣянную драматической поэмой Байрона. Но между музыкой на программу Чайковскаго и программной музыкой, вообще, — цѣлая бездна. Программная музыка прежде всего озабочена точнѣйшимъ выполненіемъ всего намѣченнаго въ программѣ, которая по большей части игнорируетъ идеи отвлеченнаго порядка и предпочитаетъ держаться описанія природы (музыкальная живопись) и повѣствованія о событіяхъ, происшедшихъ съ героями. при чемъ сами герои нѣрѣдко остаются весьма блѣдно характеризованными. Поэтому программная музыка страдаетъ недостаткомъ общей идеи, охватывающей все произведеніе. Это рядъ музыкальныхъ эпизо-

довъ, которые понятны лишь слушателю, прочитавшему программу. Для другихъ это просто музыка, хорошая или плохая, мѣстами совершенно непонятная, вслѣдствіе быстроты смѣны эпизодовъ. Музыка на программу П. И. Чайковского не заботится о старательномъ переводѣ содержанія программы. Въ основѣ ея—отвлеченная мысль. Автора прежде всего интересуютъ психологія его героевъ, а не событія, переживаемая ими (Гамлетъ, Франческа, Манфредъ, и проч.) Черезъ все произведение проходитъ музыкальная мысль, характеризирующая героевъ, мысль, разработанная, гибкая, сильная и ясная. Это не лейтмотивъ, который по своей краткости и сухости, можно назвать «кличкой», данной герою. Это — цѣльное впечатлѣніе, которое осталось у композитора отъ изучения характера героя въ литературномъ источникѣ. Въ результатѣ произведенія этого рода Чайковского всегда цѣльны и ясны. Онѣ архитектурны, и впечатлѣніе отъ нихъ полное и эстетическое.

Изъ сказаннаго мнѣ кажется яснымъ, что передача «Манфреда», да и всѣхъ произведеній этого рода Чайковского, требуетъ большого пониманія отъ дирижера. Тутъ мало знанія технической сложности партитуры, — требуется еще ясное разумѣніе духа партитуры, ея основной мысли и ея тончайшихъ изгибовъ. Г. Когель былъ далекъ отъ этого совершенства. Онъ махалъ палкой и махалъ порой довольно безтолково, едва не сбивши весь оркестръ въ чудесной второй части. Эта вторая часть — предательская для подобныхъ дирижеровъ. Она трудна, да и тонка, какъ кружево. Le malheur ne vient pas seul. Дѣлать съ неудачнымъ капельмейстеромъ, публикѣ были даны заурядные солисты. Первымъ появился виолончелистъ г. Гольманъ, съ нибанальнѣйшимъ концертомъ своего сочиненія. Поразительная смѣлость у этихъ господъ и поразительное добродушіе у гг. организаторовъ! Никто г. Гольмана, какъ композитора, не знаетъ, а между тѣмъ онъ ставитъ на программу свой концертъ, состряпанный самымъ наивнымъ образомъ изъ скучнѣйшихъ кусочковъ музыкальной чепухи.

Г. Гольманъ посредственный виртуозъ, какихъ въ Петербургѣ найдется весьма много. Тонъ слабый, интонація порой сомнительной чистоты. Играетъ г. Гольманъ на $\frac{3}{4}$ -ной виолончели, такъ какъ на ней удобнѣе смазывать пассажи. Про г-жу Ернефельтъ также едва ли стоить говорить.

Въ воскресенье, 28 ноября, учащіеся въ консерваторіи давали свой концертъ, въ пользу фонда на постанку статуи А. Г. Рубинштейна. Что учащіеся отъ времени до времени выступать передъ публикой—это очень хорошо, но что они увеличиваютъ фонды—это совершенно напрасно. Это дѣло артистовъ, а не учениковъ. Программа изъ произведеній, исключительно принадлежащихъ перу Рубинштейна—затѣя довольно комическая. На учениковъ возложена идея напомнить публикѣ, что Рубинштейнъ былъ и композиторомъ, и что есть произведенія, которыя у насъ никогда не исполняются, потому что гг. артисты усиленно заняты пропагандой разныхъ Сгамбатти и tutti quanti. Выборъ произведеній для концерта учащихъ тоже не лишень комизма.

Ученику Черномордикову досталась «Лучинка» изъ «Демона», которую онъ и отмахалъ довольно слабо. Ужели же ничего иного нельзя было удѣлить на его долю? Г-жа Габоръ-Дитрихъ играла 1-ую часть труднѣйшаго концерта D-moll, который по плечу лишь вполне законченнымъ артистамъ, на что она претендовать еще не можетъ. Играла г-жа Габоръ талантливо, это безспорно, но все же многихъ трудностей не побѣдила. Оркестръ сопровождалъ ее игру подъ толковымъ и внимательнымъ управленіемъ ученика Фреймана. Прочихъ исполнителей начала перваго отдѣленія я не слышалъ.

Во второмъ отдѣленіи шла одноактная опера А. Г. Рубинштейна «Среди Разбойниковъ». Опера не была еще ни разу играна, а потому-то ее и дали ученикамъ на растерзаніе. Это тѣмъ болѣе удачный выборъ, что въ оперѣ, за исключеніемъ трехъ, четырехъ нумеровъ, нѣтъ никакого пѣнія, а преобладаетъ речитативчикъ. Кромѣ того, сюжетъ нельзя сказать, чтобы былъ уменъ. На сценѣ вѣчно суетятся, да еще балетъ, въ придачу. Чѣмъ не опера для учащихся?

Изъ исполнителей наибольшее впечатлѣніе произвела г-жа Гердигель, хотя и не пѣла, а лишь мимировала. Но роль свою выполнила прекрасно. Что же касается пѣвцовъ, то увы! впечатлѣніе они оставили горькое.

Хорошо пѣла, а въ особенности играла г-жа Ирская. У нея хорошо обработанный голосъ, хорошая школа, но матеріалъ плохъ. Голосъ лишень чистоты и звучности. Г-жу Панафутину интересно бы было послушать въ болѣе отвѣтственной партіи. Она хорошо держится на сценѣ. У г-жи Принштейнъ плохо поставленный голосъ, совершенно не выровненный медіумъ и не установленное дыханіе. Изъ учениковъ профессора Габеля, лучше прочихъ г. Бонавичъ. У него хороший матеріалъ. Голосъ недурно звучитъ на центрѣ, но поетъ онъ однообразно, слишкомъ мало отгѣнковъ. Очень плоха постановка голоса у г. Гольтисона — это не пѣніе, а дикій ревъ. Старательно отнеслись къ своей обязанности хоры и оркестръ.

Б. М. Соловьевъ.

Изъ Москвы.

Великая пестрота въ репертуарѣ — своего рода принципъ коршевскаго театра. Случайность возведена въ систему. Сегодня — безбашнѣйшій фарсъ «Ложа № 6», не признающій границъ между театромъ и балаганомъ, завтра Островскій съ «Грозой» и «Безприданницей»; сегодня кисло-сладкій «Бѣлый конь», завтра — жестокий «Геншель»; то излишне-пикантная «Заза», то излишне-дѣломудренная «Перчатка», съ моралью суровою, какъ норвежское небо. Театръ пробуетъ отъ всѣхъ блюдъ. Правду говоря, теперь, когда во вкусахъ публики — такая неразбериха, когда ей хочется и беззаботнаго зубоскальства, и символической утонченности, — частному театру, который по необходимости долженъ прежде всего считаться съ «принципомъ рентабельности», какъ говорятъ ученые финансисты, или, по-просту, съ кассовыми поступленіями, приходится неизбежно вести войну съ публикою на всѣ фланги, метаться во всѣ стороны. Къ тому же, публика стала какъ-то дѣлнвѣе ходить въ театры, и надо ее улавливать. Самоотверженнаго вѣрности разъ составленному репертуарному плану, какъ, напримеръ, у Художественно-Общедоступнаго театра, — исключеніе. И потому, у этого молодого театра — совсѣмъ особые условія, которыя помогаютъ ему быть терпѣливымъ, работать спокойно и не подчинять всецѣло свою жизнь кассѣ и ея прихотямъ.

Ополчаться противъ такихъ порядковъ, противъ «системы безсистемности», безцѣльно. По отмѣтить ея непосредственные результаты — не лишнее. Какъ всегда, — помираемые à la longue, разумъ и правда мстятъ за себя. Своего рода «Мифъ отпущеніе, и Азъ воздамъ». Эгаа счаска изъ фарса въ трагедію, съ «Бѣлаго коня» на «Извозчика Геншеля» чрезвычайно распатала ансамбль коршевскаго театра, обійи строй исполненія. У артистовъ уходитъ изъ подъ ногъ почва, и въ приснособленіяхъ къ столь противоположнымъ жанрамъ они начинаютъ терять тонъ. И довольно аккуратный постановитель коршевскихъ «пятницъ», — и это разстройство ансамбля, путаница въ тонахъ игры дѣлается мифъ съ каждымъ спектаклемъ все замѣтнѣе. Выпадаютъ роли, сыгранныя великолепно, потому-что и сейчасъ есть въ труппѣ артисты безусловнаго таланта и осмысленной, умѣлой работы, къ числу которыхъ прибавилась въ этомъ сезонѣ очень хорошая артистка г-жа Голубева. Но спектакли, сыгранные дѣльно, дружно, въ которомъ — полный ладъ, дѣлаются все рѣже. И даже игра лучшихъ членовъ труппы поражаетъ порою сильнѣйшими диссонансами. Это пустяки, будто хорошей актеръ все играетъ хорошо. Пусть старая ампула только условность, съ которой пора покончить, но если артистъ треплетъ свое дарованіе по всѣмъ драматургическимъ жанрамъ, онъ неизбежно растеряетъ концы, такъ что потомъ ихъ и не соберешь. А посредственности, тѣ, кого зовутъ «хорошими работниками» и «полезностями», только и сильны привычкою если не къ извѣстному ампула ролей, то къ извѣстному жанру пьесы. Иначе труппа, въ какой они преобладаютъ, превращается въ разсыпанную хранину и исполнители то и дѣло садятся между двухъ стульевъ, то тяжель въ легкой комедіи, то легковѣсны въ серьезной драмѣ и портятъ и ту, и другую.

Послѣдняя пятница была «серьезной». По выбору бенефициантки, г-жи Голубевой, сыграли «Перчатку» Бьернстерна-Бьернсона. Это — пьеса съ громкою репутаціею. Шумъ подняли не художественныя достоинства пьесы. Они слабы. Лица — схематическія, интрига вялая, бытовая окраска блѣдная. Всполюшила крайняя идея, тотъ моральный тезисъ, который слабо доказанъ, но энергично и категорически высказанъ. Мы требуемъ отъ дѣвушки непорочности. Она должна принести въ бракъ дѣвственную чистоту, непомятый флеръ-д'оранжъ души и тѣла, или хоть одного тѣла, потому что въ пору героини Марсели Преве требованія большія очень рисуютъ такъ и остаются неудовлетворенными... Но полы равноправны. Не въ правѣ ли и невѣста требовать того же отъ жениха? Той же непорочности, добрачаго дѣломудрія? И норвежскій моралистъ категорически отвѣчаетъ: «Да, именно, должна», бросая этимъ отвѣтомъ перчатку всей непрекрасной половинѣ, какъ Свава буквально бросаетъ перчатку въ лицо своему жениху.

Тема цеккогливая, потому что въ ней «физика» любви доминируетъ надъ психикою. Толковать объ ней и о томъ ригористическомъ тезисѣ, какой ставитъ норвежская «Перчатка», — трудно. Противъ этого ригоризма возстаетъ прежде всего практика жизни, имѣющая право на вниманіе не потому только, что она — установившаяся практика, но и потому еще, что ее сложила печальная необходимость. Навивно считать наши поздніе браки лишь результатомъ нашей мужской распущенности и ошибочнаго

страха предъ тяготами жизни. Во всякомъ случаѣ, вопросъ, разрушаемый съ плеча Бьернстерне, перепутанъ съ цѣлою сѣткою другихъ социальныхъ и моральныхъ вопросовъ. И не кажется ли вамъ, если вдуматься поглубже, что этотъ норвежскій идеалистъ не возвышаетъ, а очень принижаетъ святое чувство любви, такъ выдвигая въ немъ элементъ физической, плотицкой и дѣлая чистоту тѣла какою-то *conditio sine qua non* счастья вдвоемъ? Ахъ, господа, я вовсе не какой-то платоникъ, и знаю что любовь—любовь, что въ ней „кровь“ столь же полноправный господнатъ, какъ и „сердце“, выражаясь метафорически. Я отлично понимаю Сваю и знаю, что ея мучительную драму переживали, хотя и съ большою стыдливостью, про себя, очень многія дѣвушки-невѣсты... И если бы тема не была такъ щекотлива, на ней можно бы построить настоящую драму. Но возводить ли этотъ протестъ въ идеалъ? И не больше ли идеализма въ томъ, параллельномъ возбужденному „Перчаткой“, движении, которое хочетъ этого уравненія половъ въ дѣлѣ любви достигнуть въ иномъ направленіи и предлагастъ и мужчине не быть такъ ужъ требовательнымъ по части флеръ-д'оранжа? На дняхъ только я прочиталъ драму Шницлера „Märchen“, отмѣчающую эту сторону движенія. Своего рода *contre-point* „Перчатки“. Сопоставленіе этихъ двухъ драмъ обѣщаетъ много интереснаго, и я какъ нибудь попробую заняться этимъ, благо пьеса Шницлера, вавѣрное, не минуетъ русскихъ сценъ, такъ какъ написана ярко и сильно.

Тема „Перчатки“ отвлекла меня въ сторону. Я говорилъ объ этомъ спектаклѣ потому, что въ немъ особенно замѣтно оказалась та убыль ансамбля у Корна и утрата общаго тона, въ которыхъ мнѣ видится неизбежный результатъ репертуарной нестроты. Разладица была полная. Выбитые изъ колеи исполнители вносили въ исполнение этой драмы отголоски самыхъ различныхъ драматургическихъ жанровъ, до фарса включительно, и оттого пьеса производила совсѣмъ страшное впечатлѣніе. Особенно рѣзко выдѣлялись изъ тона пьесы г. Свѣтловъ, который—Бьернсона сталъ, мнѣ кажется—даже непредумышленно, незамѣтно для самого себя, играть какъ Мясницкаго, и „кределить“ тамъ, гдѣ все вниманіе зрителя должно быть отведено горю Сявы и логическимъ выкладкамъ автора. Въ драму была введена насильно фигура водевилнаго людюшки и фарсового старичка-бонвивана, и общій строй спектакля пошелъ прахомъ. Г. Свѣтловъ артистъ талантливый и умный. Неоднократно давалъ онъ образы великолѣпные. И грубую ошибку въ „Перчаткѣ“, эту глухоту къ основнымъ нотамъ пьесы и могу объяснить себѣ только тѣмъ, что артистъ выбитъ репертуаромъ изъ сѣдла. Въ меньшей мѣрѣ, но тѣмъ-же грѣшили и многіе другіе исполнители, и пьеса Бьернсона, можетъ быть и ошибочная въ своемъ основномъ положеніи, но отнюдь не глупая и не бессмысленная, казалась совершенно несурзадною.

Впрочемъ, отчасти повинна въ этомъ и г-жа Голубева. Я уже говорилъ—это очень и очень хорошая артистка, особенно въ роляхъ бытовыхъ; яркая, оригинальная, простая, не лишена и драматической силы, какъ это доказала роль Терезы Ракенъ, сыгранная какъ-то ею у Корна. Но въ артисткѣ мало мягкости, нѣжнаго лиризма, юношескаго энтузіазма. А какъ разъ эти черты—самыя существенныя для Сявы, дѣвушки, но мѣткому выраженію одного изъ зрителей, — „съ душою чисто геттингенской“. Это—хрустальное сердце, бѣлоспѣчная чистота. Только при этихъ условіяхъ вдругъ открывшееся ей грязное прошлое ея Альфа, могло произвести на Сяву такое впечатлѣніе, разбить въ ней святую любовь. Только при такомъ образѣ Сявы ея драма, мало убѣдительная, какъ доказательство тезиса, могла произвести впечатлѣніе жизненной правды. Въ Сявѣ г-жи Голубевой было больше твердой воли, тѣмъ хрупкаго сердца, и она на вѣсти о прошломъ Альфа реагировала не отчаяніемъ, а злостью, что уже совсѣмъ не плохо въ Сявѣ. И какъ-то не лежали симпатіи зрителя къ этой воинственной дѣвушкѣ и мстительницѣ за отнятое у нея прошлое ея жениха. У пьесы Бьернсона одинъ изъ главныхъ недостатковъ,—это протестъ оскорбленной непорочности и любящаго сердца блѣднѣетъ передъ протестомъ разума. Исполнительница пошла еще дальше автора, и сдѣлала Сяву существомъ исключительно разсудочнымъ.

Новый театръ своего рода московскій „Одеонъ“, начинаеть занимать все болѣе прочную позицію. Его труппа, составленная изъ молодыхъ силъ, ждущихъ когда ихъ потребуетъ Аполлонъ къ священной жертвѣ на славныхъ подмосткахъ Малаго театра, такъ богата хорошими, многообещающими дарованіями и такъ отлично сыгралась, такъ умѣло и дружно работаетъ, что часто спектаклями молодой труппы можетъ поизвидовать и Малый театръ. Новый театръ, по идеѣ своей, не имѣетъ значенія самостоятельнаго, онъ—при Маломъ театрѣ, ему въ под-

могу, и прямое его назначеніе—готовить силы для пополненія рядовъ артистовъ Малаго театра и возмѣщенія причиняемой временно убыли. Старое старится, вымираетъ, молодежь расстѣт. Песя эту свою, такъ сказать, подсобную роль, Новый театръ приобретаетъ еще и значеніе самостоятельнаго театра, и можно поручиться, что еще такой удачной въ художественномъ отношеніи годъ, какъ текущій, — и московская публика, станеть очень охотно ходитъ сюда и наполнятъ зрительную залу. И теперь уже нѣкоторые пьесы выдерживаютъ здѣсь въ три мѣсяца до шнадцати спектаклей, при почти полныхъ сборахъ. А между тѣмъ въ хозяйственной организаціи дѣла допущено нѣсколько мелкихъ на первый взглядъ, но отзывавшихся очень существенно ошибокъ, и на первыхъ порахъ, когда театръ только возникъ, допустили рядъ крупныхъ промаховъ, подорвавъ престижъ театра. Преодолятъ эти воспоминанія, поборотъ первое невыгодное впечатлѣніе не такъ то легко, и потому успѣхи нынѣшняго сезона кажутся намъ особенно важными и многообещающими. Очень характерно въ этомъ смыслѣ отношеніе къ театрѣ самихъ артистовъ. Въ прошломъ году, какъ мы имѣли случай убѣдиться неоднократно, они, особенно кто уже вкусилъ отъ прелести славы и пробовалъ играть въ Маломъ театрѣ, участіе въ спектаклѣхъ Понаго театра несли, какъ неприятную повинность и даже видѣли въ этомъ какъ будто что-то немного унизительное, чувствовали себя развѣнчанными изъ артистовъ, да еще Императорскаго театра, въ нискольниковъ. Теперь всѣ, даже десятикъ лѣтъ числящіеся уже въ труппѣ Малаго театра, иравніе на его подмосткахъ не одиѣ роли „безъ пятачки“, ивятся къ спектаклямъ въ Новомъ театрѣ и чувствуютъ себя отлично въ его атмосферѣ.

Послѣднею новою постановкою этого театра былъ „Другъ Фрицъ“, Эркмана Шатриана. Эта эльзасская идиллія хорошо извѣстна публикѣ. Безыскусственная картинка написана талантливо, съ большою поэзіею, написана людьми, искренно любившими жизнь и смотрѣвшими на нее глазами добрыхъ оптимистовъ. И это хорошее настроеніе, отъ котораго такъ старательно огучаютъ и жизнь и ея зеркало—театръ, властно сообщается зрителю.

Новый театръ справляется съ этою пьесою мастерски. Центральная роль рабби Давида Зихеля, этого любвеобильнаго, въ библии почерпающаго свое міросозерцаніе старика, малтузальца на-изнанку и неугомонной свахи изъ принципа, играетъ г. Правдинъ и даетъ фигуру строго выдержанную до мелочей, полную правды и интереса, правды и интереса не только этнографическихъ, жанровыхъ, но и высшихъ, общечеловѣческихъ. Старенькій, сѣренькій еврейчикъ изъ эльзасскаго глухого городка, въ кафтанѣ до земли, пейзажъ и ермоклъ является озареннымъ высшимъ свѣтомъ любви и полнымъ аристократизма духа. Въ великолѣпномъ сочетаніи жизненности и жанровой вирности съ идеализаціей—большая заслуга исполнителя.

Рядомъ съ Зихелемъ поставлена прелестная фигура наивной, чистой деревенской дѣвушки, почти дѣвочки, Сюзель, въ которой запялся первый пожаръ любви. Роль прекрасно передается г-жой Селивановой, — которая всецѣло сохраняетъ всю поэзію и лиризмъ этого изищно написаннаго образа и съ большою правдою, непосредственностью и вѣстѣ, художественною законченностью передаетъ и застѣчивость Сюзель, и грацію ея милаго невиннаго кокетства, грусть и радость первой любви. И основной тонъ и всѣ детали безукоризненны, особенно въ сценѣ у колодца, когда Сюзель рассказываетъ Давиду библейскій рассказъ о Ревеккѣ, сначала беззаботнымъ, дѣтскимъ тономъ, какъ хорошо знакомый, давно затверженный урокъ, затѣмъ, когда и ей дѣлается ясно связь этого рассказа съ ея собственнымъ положеніемъ,—все болѣе смущалась и волнуясь. Роль Сюзель—лучшее и яркое доказательство крупнаго сценическаго таланта этой молодой артистки.

Прекрасный партнеръ г-жи Селивановой и г. Правдина—г. Падаринъ—Фрицъ, играющій въ начальномъ актѣ немного тяжело, но затѣмъ овладѣвающимъ ролью и вносящій въ нее много искренности и правды, особенно въ заключительномъ актѣ. И всѣ прочія роли передаются удачно, съ хорошимъ комизмомъ. Спектакль идетъ безъ суча и задоринки, дѣлая честь и артистамъ, и режиссерамъ и вызывая у зрителя шумный успѣхъ.

Надо-бы дать вамъ отчетъ о „Кречинскомъ“, котораго возобновили въ Маломъ театрѣ дни юбилейнаго бенефиса В. А. Макшеева. Но исключительныя условія юбилейнаго торжества и вѣсколько спѣшная постановка слишкомъ замѣтно отразились на первомъ спектаклѣ, и я подожду одного изъ послѣдующихъ и тогда побесѣдую съ читателемъ о новыхъ московскихъ Кречинскомъ и Расилуевѣ.

Старикъ.

Режиссерскій отдѣлъ.

(Подъ редакціей Ю. Э. Озаровскаго)

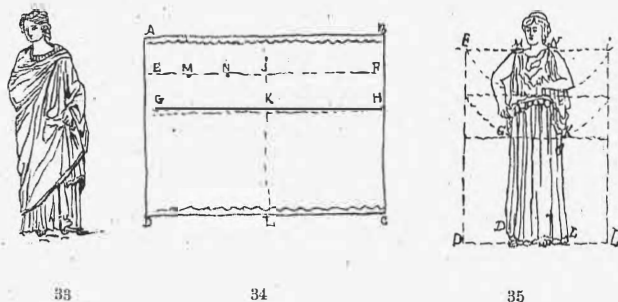
18. Древне-греческій костюмъ (продолженіе).

Женскій костюмъ. Основу женскаго древне-греческаго костюма, какъ и мужскаго, составлялъ *хитонъ*. Только у женщинъ онъ былъ длиннѣе и шире. Хитонъ подвязывался поясомъ или высоко подъ самую грудь, или нѣсколько ниже — надъ бедрами (рис. 28 и 29). Въ послѣд-

немъ случаѣ опоясываніе дѣлалось весьма искусно, такъ что хитонъ глубокими складками опускался съ обѣихъ сторонъ черезъ поясъ, что придавало наряду гречанки особую прелесть (см. рис. 30). Иногда гречанки носили по два хитона: одинъ поверхъ другого, причемъ нижній былъ длиннѣе верхняго (рис. 31). Дорянки носили обыкновенно укороченный хитонъ, перепоясывавшійся дважды: подъ грудью и надъ бедрами (рис. 32).

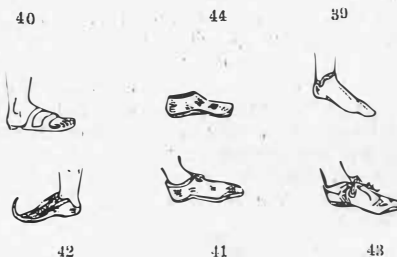
Верхняя одежда древнихъ гречанокъ называлась *пеплосъ* (рис. 33). Пеплосъ соответствовалъ гиматіону у мужчинъ, отъ котораго первый отличался лишь меньшими разрѣзами. Пеплосъ носился очень разнообразно. То онъ покрывалъ оба плеча, то набрасывался на одно, то облекалъ бедра, то накидывался на голову. Употреблялись

также пеплосы, состоявшіе изъ двухъ кусковъ, передняго и задняго, соединенныхъ на плечахъ. Они или свободно опускались внизъ, или прижимались къ тѣлу поясомъ. Это дѣлалось слѣдующимъ образомъ: матерія въ видѣ продолговатаго четырехугольника ABCD (рис. 34) складывалась такъ, что точка A совпадала съ точкой G, точка B съ точкой H. Одѣвающаяся надѣвала на себя сложенную такимъ образомъ матерію такъ, что одною половиною DEJL покрывалась грудь, другою CFJL — спина. На плечахъ, въ точкахъ M и N, обѣ эти половины, при посредствѣ застежекъ, соединялись, послѣ чего черезъ отверстіе NJ просовывалась лѣвая рука, такъ что часть матеріи между NJK спереди и сзади подъ мышкой и несоединенные концы

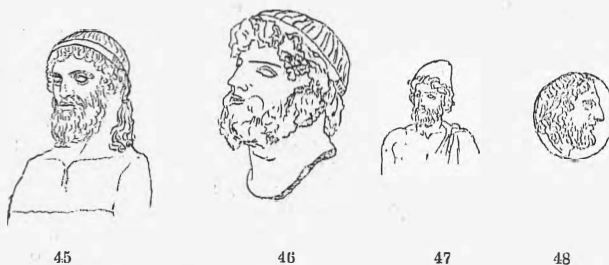

съ правой стороны сами по себѣ опускались (рис. 35), оставляя правую сторону, гдѣ сходились края CF и DE, — открытою. Края эти поясомъ придерживались надъ бедрами и сшивались до бедръ (рис. 36). Такой пеплосъ заключаетъ въ себѣ собственно двѣ части: одну, нижнюю, въ родѣ простаго хитона, и другую, верхнюю, наброшенную сверху въ видѣ короткаго плаща. Эта верхняя часть пеплоса носилась обыкновенно въ древней Греціи молодыми женщинами (иногда вполне самостоятельно, т. е. безъ петель, — прикрѣпляясь къ хитону) и называлась *диплоидіономъ* (рис. 37). Пеплосъ, не столь широкій, перегнутый на подобіе диплоидіона, но застегивавшійся въ одной точкѣ на плечѣ, назывался *хлайной* (рис. 38). Дабы плащъ лучше

сидѣть и было легче имъ управлять, въ концы его греки вшивали замаскированныя кисточки металлическія грузильца. Одежда древнихъ гречанокъ украшалась не только полосами, но и клѣтчатыми узорами, вытканными или вышитыми цвѣтами, звѣздочками и т. п. Въ этомъ отношеніи наибольшую пестроту отличались хитоны гречанокъ въ южной Италіи (греческія колоніи).

Обувь. Обувь древнихъ гречанокъ, подобно мужской обуви, имѣетъ своимъ прототипомъ сандаля. Рисунки 39 — 44 представляютъ послѣдовательный переходъ женской обуви отъ сандаля къ почти современному намъ башмаку.

19. Прически, растительность на лицѣ и головные уборы древнихъ Грековъ (матеріалъ для древне-греческаго грима)

Густота и изобиліе волосъ на головѣ считались у грековъ главнымъ украшеніемъ тѣла. Какъ они заботились о своихъ волосахъ, — объ этомъ рассказываетъ Геродотъ: лазутчикъ Ксеркса видѣлъ спартацевъ передъ рѣшительнымъ сраженіемъ причесывающимися и украшающими свои волосы. Въ періодъ до-персидскихъ войнъ греки волосы не стригли, собирая ихъ локоны или же завивая ихъ на макушкѣ въ узелъ. Только послѣ указаннаго времени греки допускали нѣкоторое подрѣзываніе волосъ, но и

Театральныя замѣтки.

53

54

55

при этомъ отдѣльныя пряди тщательно и красиво группировались вокругъ головы, плотно облекая ее, на подобіе шапки. Открытый лобъ не признавался древнимъ грекомъ, и потому на всѣхъ античныхъ статуяхъ мы наблюдаемъ старательно закрытые лбы. Бороды греки не брили и только слегка подстригали ее. При изученіи античныхъ изображеній древнихъ грековъ бросается въ глаза скудость жидкихъ и небольшихъ усевъ сравнительно съ пышными, густыми бородами. Это обстоятельство придаетъ этимъ изображеніямъ особенную характерность. Чтобы волосы не спадали со лба на глаза, греки повязывали голову цвѣт-

56

57

58

выми повязками въ видѣ неширокихъ лентъ. Греки, какъ типичные южане, отличались смуглымъ цвѣтомъ лица и темнымъ—волосъ. Зато русые волосы очень цѣнились въ Греціи (Ахиллесъ, Менелай, богиня Деметра). Рисунки 45—52 изображаютъ типы расцветности на гоювъ древняго грека.

Женщины въ особенности умѣли причесывать и украшать свои волосы очень искусно и красиво, то спуская ихъ косами внизъ по шеѣ, то завивая ихъ на темени или затылкѣ и соединяя при помощи шишечекъ, повязокъ сътокъ и пр. (рис. 53—58). Не довольствуясь изысканными прическами гречанки убирали голову цвѣтами, листьями, вѣнками и, наконецъ, драгоценными украшениями. Вѣнки издревле употреблялись въ Греціи и при радостныхъ и печальныхъ празднествахъ. Ими украшались не только

59

60

женщины, но и мужчины (во время жертвоприношеній, пировъ, а также поэты, архонты, ораторы). Къ числу драгоценныхъ головныхъ уборовъ надобно отнести аспиксъ и стефанъ (родъ повязки и короны—рис. 59—60). Кромѣ того гречанки украшали свои волосы нитками жемчуга и собирали ихъ въ сѣти, которыя прикрѣплялись къ волосамъ при помощи *шпилекъ* изъ слоновой кости или золота. Помимо украшеній намъ известны также—*серьги, ожерелья, застѣжки, кольца и браслеты* (называвшіеся на руки не только у кисти, но и выше локтя.

Ю. О.

Отъ редакціи отдѣла. Вопросы, обращаемые въ редакцію отдѣла, слѣдуетъ направлять по адресу журнала (С.-Петербургъ, Моховая, 45) съ помѣткою: въ *режиссерскій отдѣлъ*

О. К. Нотовичъ сдѣлалъ очень интересную попытку, написавъ по роману Диккенса „Похожденіи м-ра Пиквика и его товарищей“. Попытка оказалась удачною, и на этой недѣлѣ пьеса прошла въ театрѣ „Фарсъ“ три или четыре раза при полныхъ сборахъ. Г. Нотовичъ искусно выдѣлил въ романѣ Диккенса все, что укладывается въ сценическія рамки, связавъ въ то же время картины единствомъ интриги, которою должно почитать благородною, но совершенно глупую борьбу м-ра Пиквика съ авантюристомъ Джинглемъ, и всѣ послѣдствія и злоключенія, къ которымъ эта борьба привела. Я съ удовольствіемъ смотрѣлъ эту пьесу и думаю, что она до конца сезона удержится на сценѣ театра „Фарсъ“, и что эта пьеса—безспорная заслуга г. Нотовича.

Разумѣется, юморъ Диккенса поблекъ въ сценической передѣлкѣ. Юморъ, вообще, едва ли составляетъ удѣлъ сценическаго дѣйствія. Юморъ или „гуморъ“—это хорошее настроеніе, это благодушіе рассказчика. Въ дѣйствіи не можетъ быть хорошаго или дурнаго настроенія. Дѣйствіе есть цѣпь волевыхъ актовъ. Юморъ же есть, такъ сказать, уголъ зрѣнія. Въ дѣйствіи преобладаетъ причинность; въ настроеніи преобладаетъ безсознательность. Кромѣ того, самый источникъ диккенсовскаго юмора и его комическихъ контрастовъ для насъ уже не такъ свѣжъ и удобопонятенъ.

Я позволю себѣ вернуться къ вопросу о различіи между комическимъ и трагическимъ, котораго я коснулся какъ-то въ одной изъ своихъ бесѣдъ въ нынѣшнемъ сезонѣ. Существенная разница между нашимъ отношеніемъ къ трагическимъ произведеніямъ театра и комическимъ заключается въ томъ, что трагическое никогда не теряетъ для насъ своего значенія и смысла, тогда какъ сила комическаго испаряется съ теченіемъ времени. Причина подобнаго отношенія лежитъ въ самой основѣ трагическаго и комическаго. Трагическое основано на борьбѣ страстей съ нравственнымъ долгомъ, нравственные же идеи отличаются, какъ извѣстно, наибольшою устойчивостью. Сущность дурнаго и хорошаго, въ основныхъ и элементарныхъ его свойствахъ, немногимъ измѣнилось со времени Софокла и Эврипида. Наоборотъ, комическое, имѣющее дѣло не столько съ міромъ нравственныхъ идей, сколько съ ихъ конкретными проявленіями, измѣняется очень быстро, въ зависимости отъ переменъ формъ жизни. Вотъ почему, на примѣръ, драмы Шекспира ни на волосъ не устарѣли для нашего времени. Макбетъ, Лиръ, Гамлетъ, Отелло, Юлій Цезарь—всѣ эти трагическіе герои понятны намъ и близки. Но въ комедіяхъ вы чувствуете уже извѣстную натяжку. Вы смѣетесь какъ бы условно, когда смотрите „Двухъ Веронцевъ“, „Много шуму изъ ничего“, даже „Укрощеніе строптивой“. Если можно выразиться, это уже смѣхъ историческій, и для того, чтобы вкусить полной чашей отъ комическаго въ произведеніяхъ Шекспира, приходится стать на извѣстную литературно-историческую точку зрѣнія. Еще больше замѣтна эта несвоевременность, запоздалость смѣха по отношенію къ Мольеру, Вольтеру, Шеридану... Смѣшно то, что кажется несоотвѣтственнымъ. Больше не въ чемъ искать источника смѣха. Но несоотвѣтственное есть наиболѣе подвижное начало нашего сознанія: то, что не соотвѣтствуетъ сегодня и слѣдовательно, вызываетъ смѣхъ—завтра можетъ быть соотвѣтственнымъ. Чаше же, совершенно несоотвѣтствующее можетъ стать отчасти соотвѣтствующимъ. Путешественники, на примѣръ, рассказываютъ, что въ дикаряхъ

ТЕАТРЪ „ФАРСЪ“.

«Походженія мистера Пикквика».

Рис. П. И. Ассатура.

неудержимый взрывъ хохота вызывалъ процессъ писанія. Но прошли года, дикари набрались ума-разума, уяснили себѣ связь движеній, составляющихъ процессъ писанія, и, конечно, видъ пишущаго человѣка уже не вызываетъ въ нихъ смѣха. Аристофанъ или Плавтъ вызываютъ въ насъ улыбку. Въ свое время они, вѣроятно, производили неудержимый хохотъ. Вотъ причина, почему великія комическія произведенія, даже вызывая въ насъ смѣхъ, всегда кажутся намъ шаржированными и преувеличенными. Это не было, надо думать, такъ въ свое время, ибо тогда существовали другой масштабъ, другія соотношенія фигуръ и явленій. Трогательное всегда останется трогательнымъ, потому что волнуетъ нашу нравственную природу; смѣшное не всегда будетъ смѣшнымъ, потому что вызывается извѣстнымъ настроеніемъ ума. А умъ измѣнчивъ и перемѣнчивъ, въ противоположность нравственнымъ понятіямъ, неизменно сущимъ отъ вѣка, и на возможномъ протяженіи мысли, какъ бы прирожденнымъ.

Слѣдовательно, смѣхъ изнашивается скорѣе, чѣмъ состраданіе. Юморъ изнашивается еще скорѣе, чѣмъ комическій контрастъ, ибо юморъ заключается въ предрасположенности мысли и чувства, а это исчезаетъ съ эпохою, съ ея вкусами, влеченіями, съ ея окраской.

Юморъ Диккенса, — отбросивъ его англійскую складку и соблюдая должныя пропорціи — подобно юмору Лабиша и даже Поль-де-Кока — есть юморъ буржуазный. Мистеръ Пикквикъ — типичнѣйшій буржуа, вродѣ какого нибудь французскаго Blandinet у Лабиша и вообще, Prudhomme'a. Источникъ смѣш-

ного въ ихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ заключается въ большой житейской наивности, при несомнѣнномъ образованіи и хорошо развитомъ умѣ. Эта наивность проистекаетъ изъ извѣстной отрѣшенности отъ жизни, отъ ея экономической борьбы, отъ ея черной работы. Прежде всего, мистеръ Пикквикъ, какъ и безчисленныя комическія фигуры Поль-де-Кока, человѣкъ не только хорошо обеспеченный, но вмѣстѣ со своими товарищами по клубу, какъ бы принадлежащій къ сословию лицъ, которымъ работа за кусокъ хлѣба, за существованіе, за достатокъ, комфортъ — совершенно не извѣстна, не нужна и даже не понятна. Это — классъ рантье, которыхъ мы видимъ, или „après la fortune faite“, или по наслѣдству богатыми и обреченными на пользованіе плодами ренты. Люди сыты, здоровы, обеспечены и поставлены какъ будто въ сторонѣ отъ жизни. Отсюда ихъ благодущіе, на которое горечь борьбы не наложила своей печати; отсюда, при наклонности къ созерцанію, мечтательности, умствованіямъ, непониманіе самыхъ простыхъ житейскихъ вещей; отсюда запоздалый романтизмъ, окружающій такимъ милымъ смѣхомъ фигуры постарѣвшихъ людей. Подъ руками многочисленныхъ авторовъ, начиная съ Мольера, рантье отлился, такъ сказать, въ совершенно цѣльную и законченную комическую фигуру, и сталъ расхожимъ типомъ, вродѣ Пьерро изъ арлекинады. Рантье постоянно остается въ дуракахъ — „dure“, и въ этомъ какъ бы заключается его провиденціальное назначеніе. Въ немъ есть все: и лукавство, и простосердечіе, и какая-то ограничен-

ность, и наивное легковѣріе, заодно съ дѣтскою, непокрытою жадностью. И надъ всѣмъ этимъ, какъ финальная развязка — *dupe, dupe, dupe...*

Для насъ комическое въ этомъ типѣ является скорѣе внѣшнимъ построениемъ. Вѣрность жизни отъ насъ ускользаетъ, ибо намъ мало знакома бытовая обстановка, окружающая и создающая рантье. Такъ же мало близокъ намъ тотъ, если можно выразиться, лейтъ-мотивъ душевнаго настроенія, который создалъ западно-европейскую юмористику. Это спокойствіе увѣренности могла создать только жизнь, обладающая громаднымъ запасомъ консерватизма, застрахованная отъ скачковъ иметаній, отъ просвѣтительныхъ войнъ за „насажденіе горчицы“, по выраженію „Исторіи одного города“, такъ же точно, какъ и отъ неожиданныхъ налетовъ мракобѣсія. Нашъ юморъ всегда сквозь слезы, по опредѣленію Гоголя, съ осадкомъ горечи и отличается способностью не столько смягчать душу, сколько растравлять ея незажившія раны.

Все это я думалъ, собираясь въ театръ „Фарсъ“ на представленіе пьесы г. Нотовича. Я думалъ, что попытка автора встрѣтитъ неодолимые препятствія въ самой сущности диккенсоновскаго юмора, въ манерѣ изложенія и въ далекомъ отъ насъ характерѣ жизни. Г. Нотовичъ, можно смѣло сказать, вышелъ побѣдителемъ изъ трудной задачи, очень умно сосредоточивъ интересъ на интригѣ, извлеченной изъ романа. Если поблекъ юморъ рассказчика, за то остался въ полной силѣ комизмъ положеній, и на примѣръ, объясненіе Перкера съ Джинглемъ, Пикквика съ мэромъ, съ м-съ Бардль и т. п., вызываетъ самый искренній смѣхъ, потому что это дѣйствительно смѣшно, независимо даже отъ колорита рассказа, который сообщаетъ такую неизъяснимую прелесть роману Диккенса.

Группа театра „Фарсъ“ отнеслась съ большимъ вниманіемъ къ пьесѣ, и гг. Ленни, Горинъ-Горайновъ, Каменскій, Сабуровъ, г-жи Тенишева, Легать и др. очень быстро освоились съ духомъ произведенія, какъ ни рискованъ такой переходъ отъ Биссона и Фейдо къ Диккенсу.

Мнѣ пришлось разойтись въ оцѣнкѣ Мунэ-Сюлли не только со многими почтенными критиками, но даже, въ нѣдрахъ самаго журнала, съ г. Ив. Ивановымъ, заслуженно пользующимся большимъ авторитетомъ въ области литературной и театральной критики. Статья г. Ив. Иванова, появляющаяся въ полной неприкосновенности, въ томъ самомъ видѣ, какъ почтенный авторъ ее написалъ, вызываетъ у меня охоту къ обширнымъ замѣчаніямъ и возраженіямъ. И этимъ споромъ, съ позволенія любезнаго противника моего, мы какъ-нибудь займемся. Я замѣчу лишь пока, что мы расходимся съ г. Ив. Ивановымъ главнымъ образомъ въ томъ пунктѣ, что онъ сторонникъ правовѣрнаго реализма, — я же стою за всякое „правовѣріе“, называйте его какъ угодно, романтическимъ, классическимъ или реалистическимъ. Я одинаково чувствую красоту и въ „Бурлакахъ“ Рѣпина, и на примѣръ, въ „Островѣ мертвыхъ“ Беклина, хотя одна картина есть правовѣрнѣйшій реализмъ, а другая правовѣрнѣйшій символизмъ. Я преклоняюсь предъ величіемъ реализма, котораго высшую сценическую ступень представляетъ Дуза, но въ такой же мѣрѣ готовъ благоговѣть предъ великодушнымъ классицизмомъ Мунэ-Сюлли. Формы искусства — перемѣнчивы, но непреходяща его таинственная сущность — таинственная, я подчеркиваю это слово — которая есть идеализація, стремленіе къ идеалу, т. е. улучшеніе, поэтизированіе дѣйствительности. Другой вопросъ, такъ ли живо мы чувствуемъ

мраморъ идеала, какъ живую плоть его. Увы, съ этой точки зрѣнія, иная передовая статейка волнуетъ насъ больше, нежели строфы Данте. Но это уже относится къ несовершенству нашей природы... И еще замѣчу моему почтенному оппоненту, что его ссылку на Сару Бернаръ я считаю неубѣдительною. Между Сарой Бернаръ и Мунэ-Сюлли такая же разница, какъ между версификаторомъ и поэтомъ. У Сары Бернаръ нѣтъ ничего, кромѣ внѣшнихъ формъ, и она такая же псевдо-классическая фокусница, какъ Цаккони фокусникъ ультра-реальный, тогда какъ Мунэ-Сюлли — поэтъ, художникъ, благородный духъ, въ лучшемъ смыслѣ этого слова. Устарѣвшая и чуждая форма не въ силахъ, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ, скрыть чарующую прелесть и его благородства, и я весь во власти этой художественной *простоты*, которая выливается въ такихъ узорчатыхъ и пестрыхъ формахъ. Странный феноменъ, но это такъ, т. е. мнѣ кажется, что это такъ.

А. Н—ель.

ПАСЖИРОЛЕРЪ.

(Рассказъ).

1.

— Поѣздъ.

На платформу высыпали изъ душевной залы чело- вѣкъ шесть отъѣзжающихъ пассажировъ и разбре- лись по мерзлымъ доскамъ скромнаго, заолустнаго вокзала. Вьюга свирѣло набросилась на ихъ заку- танныя фигуры, снѣжные клубы завертѣлись, какъ бы съ удвоенною яростью, залѣпляя глаза, носъ, уши...

Вотъ вдали, въ темномъ, мутномъ пространствѣ, куда уходили двѣ полосы блестящихъ рельсъ, сверкнули огромные сверкающіе глаза, донося грохотъ вагоновъ, тяжелое пыхтѣніе паровоза... Сторожъ далъ первый звонокъ и поѣздъ остановился.

Съ площадки одного изъ послѣднихъ вагоновъ 3-го класса перегнулся черезъ барьеръ какой-то пассажиръ; мимо проходилъ кондукторъ...

— Станція Широкій Баръ?..

— Широкій Баръ!..

Пассажиръ немедленно поднялъ барьеръ и соско- чилъ на платформу... Черезъ минуту онъ уже стоялъ въ душевной залѣ смѣшанныхъ классовъ, освѣщенной двумя-тремя керосиновыми лампочками.

— Гдѣ здѣсь уборная, ожидальня?..

Человѣкъ съ сосульками въ бородѣ и усахъ по- глядѣлъ на пассажира и ткнулъ пальцемъ куда-то въ уголъ.

Тотъ не замедлил направиться по указанному направленію.

Въ ожидальнѣ оказалось четыре кожаныхъ дивана. Пассажиръ распустилъ ремни, которыми были затя- нуты подушки, одѣяло, какой-то узелокъ, устроилъ на одномъ изъ дивановъ постель, не раздѣваясь, улегся, запеленалъ себя въ одѣяло и безмятежно уснулъ... Онъ не слышалъ свистка поѣзда, умчавшаго остальныхъ пассажировъ въ такое же темное, мутное пространство...

Проснулся онъ часа черезъ четыре... Въ окно уже робко пробирались лучи зимняго разсвѣта... Пассажиръ оглянулся вокругъ; въ „ожидальнѣ“ ока- залось еще человѣкъ пять, въ овчинныхъ шубахъ; кто спалъ, кто потягивалъ жидкій чаекъ... Всѣ бодр-

ствовавшіе устремили на незнакомца любопытные взгляды.

На видъ ему было лѣтъ тридцать; необыкновенно худой и необыкновенно высокій, онъ былъ одѣтъ въ длинное клѣтчато-англійское пальто, очень ветхое и очень холодное, полосатыя свѣтлыя брюки, ботинки съ пестрымъ верхомъ, окаймленнымъ блестящими пуговками, наконецъ, на головѣ былъ пестрый жокейскій картузъ. Лицо незнакомца, совершенно бритое, отличалось чрезвычайно выпуклыми глазами, горбатымъ, острымъ носомъ, на которомъ вдругъ появилось пенсне, длинными волосами зеленовато-бураго цвѣта, въ общемъ—безнадежно легкомысленнымъ выраженіемъ съ отбѣнкомъ самодовольства и самоувереннаго достоинства.

Замѣтивъ устремленные на него взгляды, худой пассажиръ поспѣшилъ себя распеленать, поправилъ пенсне, и, принявъ довольно видъ, зѣвнула во все горло; потомъ вскочилъ съ дивана, зачѣмъ-то пощупалъ горло; словно убѣдившись, что оно цѣло, онъ откашлялся, слегка выпятивъ грудь и, наконецъ, крикнувъ горловымъ баритономъ:

— Человѣкъ!..

Баритональное: „человѣкъ“—пришлось повторить раза три. Въ дверяхъ появились борода и усы, нѣсколько часовъ тому назадъ отягченные сосульками.

— Кипятку!..

Принесли кипятокъ, незнакомецъ заварилъ чай. Пока онъ настаивался, тотъ въ ожиданіи закурилъ папиросу.

— Скажите пожалуйста, вдругъ обратился онъ къ одному изъ сосѣдей—вы здѣшній?..

Сосѣдь, видимо, изъ купцовъ, въ огромной шубѣ и куньей шапкѣ, пересталъ на время цѣдить сквозь зубы чай.

— Здѣшній-съ... отвѣчалъ онъ, пуская надъ блюдцемъ нѣсколько удивленный взглядъ.

— По дѣламъ ѣдете—или такъ развлечься?

— По дѣламъ-съ...

— Да?.. Гмм... На долго?

— Какъ придется...

— Да?.. Гмм... Вы изъ Бара?..

— Изъ Бара-съ...

Купецъ почему-то нахмурилъ брови. Незнакомецъ оживился.

— Простите, что я васъ спрашиваю, не имѣя чести быть съ вами знакомымъ... Артистъ Громыхай-Тромбонскій... Я, изволите видѣть, возвращаюсь съ гастролей и... у меня были кой-какія соображенія на счетъ Широкаго Бара... Не будете ли вы такъ любезны сообщить мнѣ кой-какія категорическія детали... напримѣръ... сколько жителей въ Бару?

— Отчего же, извольте... тыщи три будетъ...

— Гмм... Мерси... А скажите: есть у васъ какой-нибудь театръ или тамъ... подходящее заведеніе?..

— Заведеніевъ много... больше кабаки... а на счетъ театра и не слышать...

— Да?.. Мерси... А гдѣ же играютъ любители?

— Это... т. е... какъ же?.. на счетъ чего?..

— Любители драматическаго искусства?.. Гдѣ у васъ ставятся спектакли?..

Купецъ потерялся.

— Извините, на счетъ ефтого не слышать...

— Прекрасно!.. Пардонъ... еще одинъ вопросъ: какъ фамилія становаго?..

— Становаго!.. Буркинъ...

— Да?.. Гмм... Мерси... А гдѣ онъ живетъ?

— А у самаго значить правленія.

— Превосходно... Незнакомецъ быстро записывалъ въ карманной книжкѣ.

— А не будете ли вы любезны дать мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія на счетъ мѣстной интеллигенціи...

— Чего изволите?

— Я спрашиваю—изъ кого у васъ состоитъ интеллигенція?.. Кто у васъ, такъ сказать, въ почетѣ?..

— Извѣстно, становой, урядникъ, слѣдователь...

— А еще?

— Почтмейстеръ, аптекарь, два дохтура, отецъ Семень, отецъ Никифоръ, отецъ...

— Нѣтъ... мнѣ отцовъ не надо... изъ свѣтскаго сословія?

— Судебный приставъ... а больше, кажись, и нѣту..

— Да?.. Мерси... Ну, а изъ купечества?

— Ивановъ, Петръ Васильичъ, купецъ уважаемый, потому торговля, можно сказать, первостатейная, ну... Гнѣздышевъ, Василій Дементыичъ... а тамъ больше жиды... вотъ еще нѣмецъ... колбасникъ... Карлъ Ивановичъ... ничего... торгуетъ...

— Да?.. Не будете ли вы столь любезны назвать мнѣ еще разъ всѣ фамиліи.

— Отчего же?.. извольте-съ!

Громыхай-Тромбонскій быстро зачертилъ въ своей записной книжкѣ. Собравъ еще самыя подробныя свѣдѣнія о семьяхъ „интеллигенціи“, т. е.: количествѣ женъ, дочерей, сыновей, прислуги, о прилегающихъ къ мѣстечку „Широкаго Бара“ деревняхъ, о живущихъ въ нихъ помѣщикахъ Громыхай-Тромбонскій съ довольнымъ видомъ проговорилъ разъ пять „мерси“ и принялся за чай.

День выдался ясный. Когда солнце окончательно освободилось изъ облачныхъ членъ и поплыло надъ горизонтомъ, Громыхай-Тромбонскій вышелъ на подъѣздъ вокзала и очутился передъ нѣсколькими ямщиками, поспѣшавшими ему предложить свои услуги. Съ равнодушнымъ видомъ поторогавшись, онъ склонилъ одного изъ нихъ на рѣшеніе доставить его въ мѣстечко за 20 коп., хотя оно отстояло отъ станціи въ двухъ съ половиною верстахъ.

Вотъ, изъ-за двухъ холмовъ, показался и Широкаго Бара, большая деревня, очень заброшенная и очень грязная, съ двумя десятками одноэтажныхъ каменныхъ домовъ, расположенныхъ вдоль главной улицы, именуемой Полицейской, должно быть, потому, что она упиралась въ желтое зданіе, гдѣ обиталъ становой приставъ.

Едва только Громыхай-Тромбонскій показался на Полицейской улицѣ, какъ изъ воротъ безчисленныхъ заѣзжихъ дворовъ высыпала цѣлая стая ребятишекъ и, цѣпляясь за возжи, стала звать его къ себѣ на постой.

Громыхай-Тромбонскій съ достоинствомъ мычалъ, глядя на нихъ черезъ пенсне. Сани остановились предъ огромной корчмой. Выскочивъ изъ саней, и наступивъ на щелка, поднявшаго неимоверный визгъ, Громыхай потребовалъ хорошую комнату.

— Пожалуйста!.. Шъ прѣждомъ пана! Жвольте!..

Подслѣповатая еврейка, кутаясь въ бѣличью кацавейку, настезъ растворила передъ Громыхаемъ дверь „хорошей комнаты“.

Громыхай потребовалъ воды, мыло и щетку и, съ достоинствомъ, замѣтилъ:

— Я извѣстный провинціальный и столичный артистъ; намѣренъ проѣздомъ черезъ здѣшній городъ дать съ своей труппой только одно представленіе. Такъ я прошу докладывать обо мнѣ всѣмъ.

Прошло три дня. Въ эти три дня Громыхай-Тромбонскій удостоилъ своимъ посѣщеніемъ дома мѣстной „интеллигенціи“ и съ удовольствіемъ замѣчалъ, что дѣло идетъ на ладъ. Интересъ въ обществѣ Широкаго Бара возбуждался все болѣе и болѣе.

— Гдѣ же вы будете играть? спрашивали его.

Громыхай небрежно оправлялъ пенсне.

— Въ случаѣ, если подходящаго помѣщенія не найдется,—я театръ построю.

Вопрошавшіе приходили въ ужасъ отъ смѣлости великаго артиста, но Громыхай дѣлалъ почти обиженное лицо и отвѣчалъ:

— Я и моя труппа всегда и вездѣ имѣли успѣхъ.

Къ судебному приставу, человѣку, выдавшему виды, Громыхай, впрочемъ, изъ предосторожности отнесся въ туманной формѣ.

— Была бы публика, а театръ найдется.

Приставъ нагнулъ голову и задалъ полупшепотомъ еще вопросъ:

— А ежели побьютъ?

Громыхай презрительно повелъ плечами.

— Нѣтъ, здѣсь не побьютъ...

Что было важно въ положеніи Громыхай, такъ это то, что ему открылся кредитъ. Даже мѣстный аристократъ-колбасникъ, Карлъ Ивановичъ, рѣшился отпустить ему въ кредитъ два фунта вареной колбасы, не подозрѣвая, что эти два фунта будутъ Громыхайю единственнымъ продовольствіемъ на весь день.

На четвертую ночь, послѣ предварительныхъ изслѣдованій, Громыхай-Тромбонскій, ютясь у стола, заставленнаго самоваромъ, хлѣбомъ, колбасой, сеledкой, даже полубутылкой водки, уже почти опорожженной, писалъ:

„Милая Дуся!.. Выгораетъ!.. Можно разсчитывать рублей на 60!.. завтра выпускаю афишу. Выѣзжай немедленно!..
Твой Вольдемаръ“.

Г. Г. Ге.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОВИНЦАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

РОСТОВЪ-НА-ДОНУ 29 октября въ Асмоловскомъ театрѣ начались бенефисы. Первый бенефисъ выпалъ на долю артистки Л. П. Петипа, поставившей шекспировскую комедію «Укрощеніе строптивой». Бенефициантка прекрасно передала роль Катарини, а г. Петипа оказался безупречнымъ Петручіо. Ихъ совмѣстные «друзья» въ смыслѣ оживленнаго, искренняго комизма не оставляли ничего желать. Слѣдующая бенефисная пятница принадлежала И. М. Шувалову, возобновившему «Рюи Блаза». Герой романтичѣйшей драмы Виктора Гюго не совсѣмъ удался даровитому артисту, въ талантѣ котораго мало той юношески-безудержной горячности и того широкой волной разливающагося темперамента, которыми только и можно въ этой роли захватить зрителя. А П. Петровскій выбралъ «Горячее сердце» А. Н. Остроускаго, гдѣ изображалъ купца Курослѣпова. При всей тщательности, продуманности работы, какую, по обыкновенію, обнаруживаетъ артистъ, роль вышла у него нѣсколько тусклой, но исчерпанной во всемъ своемъ содержаніи; чувствовалась потребность въ болѣе свободномъ творчествѣ. Послѣдній изъ успѣвшихъ пока пройти бенефисовъ достался В. Ю. Вадимову, выступившему въ «Нахлѣбникѣ» И. С. Тургенева и небольшой комической роли изъ «Байбака» Вл. Тихонова. Кузовкинъ очень удался г. Вадимову, создавшему необычайно дѣльный образъ, несложный, но трогательный по своей психологіи. Изъ новинокъ дирекція до настоящаго дня (23 ноября) поставила «Идиота», извлеченнаго гг. Крыловымъ и Сутугинымъ изъ романа Ф. М. Достоевскаго, и «Закатъ» кн. Сумбатова. Обѣ пьесы сдѣлали уже и два полныхъ сбора и возбудили несомнѣнный интересъ среди мѣстной публики, что отчасти слѣдуетъ приписать стройному, старательно срететованному исполненію и весьма тщательной инсценировкѣ. Что касается матеріальныхъ результатовъ истекшей первой половины сезона, то на нихъ жаловаться г. Синельникову было бы грѣшно—театръ посѣщается усердно, сборы на кругъ никакъ не ниже прошлагоднихъ, когда общій итогъ далъ поразительную для Ростова цифру выручки.

Нашъ музыкальный сезонъ какъ-будто немного оживился. Концертировали скрипачъ Карлъ Григоровичъ и піанистъ Юсифъ Сливинскій. Первый сдѣлалъ жалкій сборъ, второй далъ два концерта, привлечшихъ довольно многочисленную у насъ польскую колонію почти въ полномъ ея составѣ.

2-е и 3-е квартетныя собранія мѣстнаго отдѣленія Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества были посвящены Шуману и Бетховену. Несмотря на диллетантское исполненіе, можно только радоваться, что эти собранія постепенно прививаются къ здѣшнему музыкальному, такъ сказать, обиходу, страдающему поразительнымъ убожествомъ.

Театръ въ г. Нахичевани все никакъ не откроютъ. Говорятъ, заминка теперь съ освѣщеніемъ сцены, о которомъ будто бы забыли во время позаботиться тѣ, кому сіе вѣдать надлежало. На «открытіе» билеты будутъ продаваться или раздаваться въ нахичеванской городской управѣ, причемъ для того, чтобы попасть въ число избранныхъ, нужно имѣть постоянное или хоть временное жительство въ г. Нахичевани. Не правда-ли, довольно необычное. *conditio sine qua?*

B. Moll.

ЕКАТЕРИНОСЛАВЪ. Недавно въ нашемъ зимнемъ театрѣ состоялся дебютъ вновь приглашенной г. Шильдретомъ на амплуа «драматической героини» и «grande coquette» артистки г-жи Ворониной. Шла пьеса «Въ новой семьѣ».

Незадолго до пріѣзда г-жи Ворониной, удрученный плохими сборами г. Шильдретъ, (сборы были уже сильно помяты, но потомъ опять пали) пригласилъ на нѣсколько гастролей танцовщицу «серпантини» m-elle Софи Пти (Sic). Лекарство подѣйствовало и всѣ спектакли съ участіемъ m-elle Пти прошли при полныхъ сборахъ.

21-го ноября начались гастроли братьевъ Адельгеймъ. Объявлено было сначала всего 8 гастролей, но затѣмъ въ виду полныхъ сборовъ, братья остались гостить у насъ еще недѣлки на двѣ. Сборы переполненные. Иногда въ 7 час. вечера висѣла у кассы записка, гласящая, что всѣ билеты проданы—явленіе очень рѣдкое въ Екатеринославѣ. Въ смыслѣ исполненія съ наибольшимъ успѣхомъ прошли: «Кручина» и «Кинъ». Особенно удачно въ «Кручинѣ» провелъ роль Ревакина г. Новиковъ, который не впадалъ въ шаржъ, какъ это обыкновенно бываетъ съ исполнителями этой роли, и далъ вполне вѣрный типъ стараго чудака—чиновника. «Кинъ»—удачная роль г. Роберта Адельгейма. Г. Раф. Адельгеймъ—очень хороший Мефистофель. Анонсъ о постановкѣ «Ревизора» поразилъ насъ своею неожиданностью. Съ большимъ любопытствомъ отправились мы въ театръ посмотрѣть, какъ трагика будутъ играть безсмертную комедію Гоголя. Ничего хорошаго мы отъ этого спектакля не ждали, и мы не ошиблись. Г. Рафаиль Адельгеймъ игралъ роль городничаго. Видно было, что артистъ не мало поработалъ надъ этой ролью и всѣми силами старается, какъ возможно лучше исполнить. Но старанія его не увѣнчались успѣхомъ. Отъ актера съ именемъ, каковъ г. Адельгеймъ, публика вправѣ требовать большаго. Намъ могутъ замѣтить, что это роль не его амплуа. Правда. Но зачѣмъ въ такомъ случаѣ онъ берется ее играть? Въ противоположность брату, г. Робертъ Адельгеймъ оказался недурнымъ Хлестаковымъ. Хотя онъ и не внесъ въ исполненіе этой роли ничего новаго, однако подкупающей искренностью тона и прелестной лирикой, онъ произвелъ весьма благоприятное впечатлѣніе на зрителя.

Гастроли братьевъ Адельгеймъ не обошлись безъ непріятнаго инцидента, о которомъ я уже сообщалъ. Премьеръ труппы Шильдрета г. Сарматовъ на первомъ спектаклѣ съ участіемъ Адельгеймовъ, купивъ билетъ, расположился въ первомъ ряду кресель. Среди дѣйствія въ то время, когда г. Робертъ Адельгеймъ находился на сценѣ, онъ всталъ и громко на всю залу произнесъ: «Можетъ быть, кому-нибудь и нравится, а по моему очень плохо: я ужоу». Г. Робертъ Адельгеймъ тотчасъ ушелъ со сцены и занавѣсъ опустился. По прошествіи нѣсколькихъ минутъ, послѣ демонстративнаго ухода г. Сарматова, занавѣсъ снова поднялся, и пьеса продолжалась. Во время антракта между г. Шильдретомъ и г. Сарматовымъ произошло крупное объясненіе, закончившееся полицейскимъ протоколомъ.

На дняхъ состоялся концертъ оркестра Кіевскихъ студентовъ подъ управленіемъ капельмейстера Черняховскаго. Оркестръ очень недуренъ и имѣлъ у насъ вполне заслуженный успѣхъ.
Я. Г—де.

АРХАНГЕЛЬСКЪ. Театральный сезонъ, открывшійся 1 октября, «Безъ вины виноватыми», теперь въ полномъ разгарѣ.

За послѣднее время сборы поправились и театръ нерѣдко бываетъ полонъ. Составъ труппы г. Витарскаго удаченъ, и подобной труппы мы еще не видали. Въ составъ труппы входятъ: гг. Карамазовъ—герой—любовникъ, Витарскій—фатъ—любовникъ, Марковскій—резонеръ, Вронскій—резонеръ, Николаевъ—комикъ, Крашаловъ—комикъ—резонеръ, Смоленскій—простакъ, Назарьевъ—комикъ 2-ой; женскій персоналъ: г-жи Кутузова—молодая героиня, Новицкая—ingèue, Черманъ-Запольская—пожилыхъ героиня и gr. dame, Иволгина—gr. dame, Крельская—gr. coquette, Полторацкая—комическая старуха и Ромаскевичъ—ingèue.

Труппа пользуется у насъ успѣхомъ. Очень нравятся гг. Карамазовъ, Витарскій, Вронскій, Марковскій и Смоленскій и г-жи Ромаскевичъ, Новицкая, Кутузова и др. Бенефисные спектакли начались съ 14-го ноября, первый бенефисъ былъ Черманъ-Запольской. Сбору было немного—110 рублей.

Г. Витарскій ставитъ спектакли четыре раза въ недѣлю, при томъ разъ въ недѣлю, а именно по средамъ, ставитъ по значительному уменьшеннымъ цѣнамъ.

Желая дать возможность учащейся молодежи познакомиться съ лучшими произведеніями русскихъ драматическихъ писателей, администрація театра по воскресеньямъ ставитъ бесплатные спектакли (денные), исключительно для учащейся молодежи. Подобныхъ спектаклей до сихъ поръ не давала у насъ еще ни одна труппа.

До сихъ поръ были поставлены: «Безъ вины виноватые», «Доходное мѣсто», «Старый закалъ», «Двѣ судьбы», «Борцы», «Чужіе», «Золотая Ева», «Мужъ знаменитости», «Гдѣ любовь тамъ и напасть», «Вторая молодость», «Madame Sans-Gêne», «Наполеонъ», «Гамлетъ», «Волки и овцы», «Смерть Іоанна Грознаго», «Волшебная сказка» и др. *А. Захаревскій.*

ОРЕНБУРГЪ. Драматическая труппа, подъ управленіемъ А. П. Грубина, открыла зимній сезонъ 21-го сентября. До сихъ поръ прошли слѣдующія пьесы: «Девятый валъ» (для открытія сезона), «Гувернеръ», «Горе-злосчастье», «Сердце-загадка», «Любовь и предразсудокъ», «На жизненномъ пиру», «Безъ вины виноватые», «Листья шелестятъ», «Доходное мѣсто», «Дармоѣдка», «Расточитель», «Какъ поживешь такъ и прослынешь», «Чадъ жизни», «Безприданница», «Татьяна Рѣпина», «Медведь», «Жребій на жизнь и смерть», «Наши вѣдьмы», «Грядущая доля», и друг. Изъ неигранныхъ еще въ Оренбургѣ новинокъ ставились: «Глухая стѣна», «По гривеннику за рубль» (2 раза) и пресловутая «Заза» (2 раза).

Составъ труппы слѣдующій: женскій персоналъ: г-жи: Е. Р. Чарова — героиня, Гондати — *ingénue dramatique et comique*, Вронская — *grande dame*, Мартросова — комическая старуха, Вѣрина — водевилляная, Бабинова — характерныя роли. На вторыя роли Морева, Туманова, Стеблинская, Черныяская, Немарская и Германъ. Мужской персоналъ: гг. Дара-Владиміровъ — любовникъ герой, Печоринъ-Цандеръ — комикъ, Блюменбергъ — резонеръ и характерныя роли, Волгинъ — фатъ, Сабининъ — 2-й любовникъ, Ланко-Петровский — простакъ, Озеровъ — резонеръ. На вторыя роли: Каминскій, Раменскій, Ильинъ и друг. Режиссеръ г. Печоринъ-Цандеръ, помощникъ его — г. Бориславскій, суфлеръ Арбенинъ. Въ спектакляхъ иногда принимаютъ участіе самъ антрепренеръ А. П. Грубинъ — весьма опытный артистъ, любимецъ оренбургской публики.

Въ началѣ сезона въ труппѣ г. Грубина не было артистки на роли героинь, но съ прїѣздомъ Е. Р. Чаровой, пробѣлъ этотъ пополнился. Вновь прибывшая артистка обладаетъ извѣстными сценическими данными. Съ успѣхомъ выступила въ роляхъ Медеи, Маргариты Готье и Заза. Слабѣе проведены роли Ларисы («Безприданница») и Ольги Рандевой («Чадъ жизни»). Г-жа Гондати — безусловно способная актриса. Весьма выгодное впечатлѣніе произвела въ роляхъ Вари («Листья шелестятъ»), Мариши («Дармоѣдка»), Лены Глыбиной («По гривеннику за рубль»), Маши («Глухая стѣна») и Раички («Девятый валъ»). Г-жа Вронская — очень опытная актриса на роли пожилыхъ дамъ. На роли комическихъ старухъ въ труппѣ есть прекрасная артистка г-жа Мартрозова. Слѣдуетъ отмѣтить еще бытовую актрису г-жу Бабинову.

Изъ мужского персонала безспорный успѣхъ имѣетъ премьеръ труппы, г. Дара-Владиміровъ: Мѣстный рецензентъ упрекаетъ его въ утрированномъ изображеніи страсти, доходящемъ иногда до неистовства. Упрекъ этотъ, по мнѣнію нѣкоторой части публики, вполне справедливъ. Опытный артистъ г. Блюменбергъ въ короткій срокъ завоевалъ симпатіи нашей публики. Въ роляхъ Усташева («Глухая стѣна»), Паратова («Безприданница»), Карачюли («Жребій на жизнь и смерть»), Грубелъникова («Листья шелестятъ»), Холмова («По гривеннику за рубль») и Князева («Расточитель») артистъ произволилъ должное впечатлѣніе. Г. Печоринъ-Цандеръ недурной комикъ, но слабый режиссеръ. Поставленные имъ шутки, собственнаго сочиненія, въ видѣ «Сына знаменитости», «Курьезаго происшествія въ Оренбургѣ» и т. д. — весьма своеобразны. Крайне полезными силами въ труппѣ слѣдуетъ считать гг. Волгина и Озерова. Молодой актеръ г. Ланко играетъ здѣсь второй сезонъ. Онъ подаетъ надежды. Гг. Сабининъ (2-й любовникъ) и Раменскій нерѣдко содѣйствуютъ общему успѣху.

Съ начала сезона театръ посѣщался публикою неохотно, но послѣдніе спектакли стали привлекать многочисленныхъ зрителей. *Л. Исаковъ.*

НОВОЧЕРКАССКЪ. Со времени моей послѣдней корреспонденціи (отъ 20 октября), помѣщенной въ № 44, и до настоящаго времени (27 ноября) опереточно-драматическою труппою С. И. Крылова поставлены слѣдующія пьесы: «Горе отъ ума», «Нишій студентъ», «Цыганскій баронъ», «Продавецъ птицъ», «Въ родственныхъ объятіяхъ», «Мартинъ рудокопъ», «Цыганка Занда», «Гейша», «Глухая стѣна» и «Сапоги ушли», «Надо разводиться» и «Меблированная комната Королева», «Продавецъ птицъ», «Блестящая карьера», «Горящія письма» и «Прекрасная Елена», «Бой бабочекъ» и «Ожиданіе кометы», «Генеральша Матрена» и 1 актъ оп. «Хаджи-Муратъ», «Цыганскій баронъ», «Старый закалъ», «Новый міръ» (2 раза сряду).

«Закалъ», и «Цыганскія пѣсни въ лицахъ», «Корневильскіе колокола», «Потонувшій колоколъ», «Баболенъ или демонъ покровитель» (2 раза), «Багдадскіе пирожники» и «Волшебная флейта» (утренній дѣтскій спектакль), «Заза», «Идіотъ», «Смерть Іоанна Грознаго», «Авантюристъ».

Сборы въ общемъ вполне удовлетворительны; зато исполненіе заставляетъ желать лучшаго: въ труппѣ нѣтъ главнаго — ансамбля. Г-жа Андросова — прекрасная артистка въ роляхъ, болѣе или менѣе подходящихъ къ характеру ея дарованія и внѣшности. Но у насъ она далеко не производитъ того впечатлѣнія, какое могла бы производить въ большой и хорошей труппѣ. У насъ она играетъ рѣшительно всѣ первыя роли — и героини, и *ingénues dramatiques*, и характерныя: она и Вики (Блестящая карьера, и Розы (Бой бабочекъ), и Генеральша Матрена (!), и Мерсія (Новый міръ), и Наталья Кирилловна (Закалъ), и Раутенделейнъ, и Настасья Филипповна (Идіотъ) и проч. и проч. Словомъ, во всѣхъ пьесахъ *по порядку* всѣ лучшія и наиболее отвѣтственныя роли, поручаются ей.

Въ прошлой моей корреспонденціи я воздержался отъ отзыва о нѣсколькихъ новыхъ для Новочеркасска артистахъ и артисткахъ, играющихъ постоянно и довольно отвѣтственныя роли. Увы, и теперь, по прошествіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ сезона, я не хочу называть ихъ по фамиліямъ. Опытѣе другихъ впрочемъ въ этомъ отношеніи кажется г. Чупровъ.

Оперетки проходятъ съ лучшимъ ансамблемъ и нерѣдко доставляютъ большое удовольствіе, благодаря труду капельмейстера г. А. К. Паули, игръ и пѣнію гг. Форесто, Чабана, Туманскаго, Разсказовой. Г-жа Лелина оказывается недурной лирической пѣвицей, къ сожалѣнію лишь, съ нѣскольکو тусклымъ тембромъ голоса и вялой, апатичной игрой. Г-жа Славина, наоборотъ, играетъ отлично — весело, оживленно, да и голосу у нея для каскадныхъ партій совершенно достаточно.

Сильно замѣтенъ только недостатокъ въ простацѣ и «настоящемъ» комикѣ-буффѣ. Самъ режиссеръ оперетки г. Медвѣдевъ, какъ артистъ, не комиченъ, какую бы роль онъ ни игралъ и какіе бы фортели ни выкидывалъ, а какъ режиссеръ, кажется недостаточно опытнымъ, энергичнымъ и далеко не проявляетъ такого вкуса въ постановкахъ, какъ г. Брянскій.

Въ послѣдней опереткѣ, «Авантюристъ», поставленной 26 ноября въ бенефисъ г. Паули, въ роли Пьера выступилъ нашъ первый любовникъ и герой драмы г. Двинскій и, вопреки всякому ожиданію, оказался «настоящимъ» опереточнымъ простакомъ; однако, слѣдуетъ отмѣтить, что игра въ опереточномъ жанрѣ, разухабистое пѣніе, канканъ во всей его прелесть и всевозможные фортели, отсебятинны и кушеты на злбу дня въ исполненіи г. Двинскаго имѣли особенный интересъ. Г. Двинскій, ни мало ни смущаясь, докладывалъ въ своихъ кушетахъ: «На вкусъ и на цвѣтъ товарищей нѣтъ», что любитъ играть Гамлета, царя Федора, Ромео, — просилъ сравнить его игру съ игрой его товарищей по опереткѣ и проч.

Игралъ г. Двинскій, надо полагать за г. Минаева, незадолго передъ тѣмъ сильно заболѣвшаго психическимъ разстройствомъ и взятаго на излеченіе въ мѣстную больницу для душевно больныхъ.

Г-жа Плевинская, о которой уже сообщалось на страницахъ «Г. и Иск.», въ настоящее время совсѣмъ оправилась и, какъ говорятъ, скоро будетъ принимать участіе въ спектакляхъ. — О нечаянномъ выстрѣлѣ, произведенномъ ею, я не писалъ потому, что даже теперь не могу понять, какъ и почему это совершилось; въ городѣ же и за кулисами лица, новидимому, компетентныя объ этомъ. говорятъ такъ «разносторонне», что одна версія взаимно уничтожаетъ другую. Приводить ихъ всѣ считаю неудобнымъ, остановиться на одной какой-либо не рѣшаю. Во всякомъ случаѣ, это дѣло больше семейное. *Матовъ.*

КОВЕЛЬ. Любительскимъ кружкомъ въ пользу учащихся мѣстнаго училища былъ поставленъ «Ревизоръ». Всѣ любители прониклись должнымъ уваженіемъ къ безсмертной комедіи, благодаря чему, получился стройный ансамбль, рѣдко присущій любительскому исполненію. Изъ отдѣльныхъ исполнителей выдѣлялись своею любительскою игрой г-жа Н. М. Патараки, въ роли Анны Андреевны, и старый и опытный любитель С. А. Гуриновичъ, въ роли городничаго. Н. М. Крулевъ былъ очень типичнымъ Оспомъ. Бобчинскій и Добчинскій нашли недурныхъ исполнителей въ лицахъ А. Д. Байкевича и М. К. Рюкова. Режиссерская часть не смотря на миниатюрную сцену, была выдержана въ предѣлахъ возможнаго. Характерная обстановка, свѣже костюмы и типичный гримъ — были на лицо. Благодаря дивергенту; спектакль окончился поздно, такъ что, назначенные по окончаніи спектакля, танцы могли начаться только около половины втораго. Публика, переполнившая до послѣдней степеніи небольшой клубный залъ, шумно выражала одобреніе исполнителямъ. Вообще спектакль прошелъ гладко и оставилъ хорошее впечатлѣніе. Симпатичная цѣль — говорить сама за себя. На благоую цѣль очистилась 304 р. Всю режиссерскую часть взялъ на себя кн. Орбеліани.

ДВИНСКЪ. Двинское театральное дѣло, подъ управленіемъ г-жи Борисовой-Пятунной, въ нынѣшнемъ году, увя близко, кажется, къ катастрофѣ.

Съ открытія зимняго сезона спектакли идутъ при самыхъ жалкихъ сборахъ. Иногда сборъ не покрывалъ вечероваго расхода. Такъ, напримѣръ, «Безъ вины виноватые» 12 октября дали сбору 41 р. 94 к., расходъ—51 р. 40 к. «Счастливецъ», далъ 95 р. 75 к., расходъ 123 р. 85 к. Бенефисъ г. Коренева «Рабы золота»—В. Азова, сборъ 48 р. 93 к.

Хотя сборы плохи, но и расходы по труппѣ, благодаря убыли артистовъ, ограниченные. Всѣхъ вышло изъ труппы по настоящее время четверо: въ октябрѣ—г-жа Вольмарская (комич. старуха и грандъ-дама) и Розановъ (комикъ-буффъ), получавшіе вдвоемъ—95 руб. Затѣмъ, — водевильная г. Лаврецкая (65 руб. ежемѣсячно), и, наконецъ 13 ноября — вы былъ второй любовникъ г. Каронинъ. Г. Каронину было нотаріальнымъ порядкомъ отказано отъ службы съ требова-ніемъ неустойки.

Въ декабрѣ это дѣло будетъ разбираться на судѣ.

Изъ витебской труппы перекочевали сюда гг. Рене и Боарскій.

М. П.

РЕПЕРТУАРЪ Императорск. С.-Петербургскихъ театровъ

съ 6-го декабря по 13-е декабря 1899 года.

Александринскій театр.—6-го декабря. Утромъ: Гимнъ; «Долгое мѣсто». Вечеромъ: Гимнъ; «Накипь». —7-го «Идиотъ». —8-го «Закатъ». —9-го «Биронъ». —10-го «Накипь». —12-го Утромъ: «Горе отъ ума». Вечеромъ: «Идиотъ».

Михайловскій театр.—6-го декабря: Утромъ: Гимнъ; «L'ami Fritz». Вечеромъ: Гимнъ «На старой мельницѣ». „Мнимый больной». —7-го «Le lys rouge». —8-го «Вторая жена». —9-го «Le lys rouge». —10-го «На старой мельницѣ». «Мнимый больной» —11-го Bénéfice de m-elle Baletta «Divorçons», com. —12-го «Divorçons».

Маринскій театр.—6-го декабря: Утромъ: Гимнъ; «Конекъ-Горбунокъ». Вечеромъ: «Сарацинъ». —7-го «Пиковая дама». —8-го «Дочь Фараона». —9-го «Пиковая дама». —10-го «Гугеноты». —12-го Утромъ: «Демонъ». Вечеромъ: «Корсаръ».

Редакторъ Я. Р. Кугель.

Издательница З. В. Тимоеева (Холмская).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Я употребляю

ДЛЯ ВОЛОСЪ?

ЭЛЕОПАТЬ КИНУНЕНА

НА ПОМОЩЬ ВОЛОСАМЪ!

Элеопать провизора КИНУНЕНА.

Рекомендуется какъ средство для волосъ, способствующее быстрому росту ихъ и уничтожающее головную перхоть.

Элеопать пр. Кинунена находится въ продажѣ 20 лѣтъ и ежегодно расходится десятками тысячъ флаконовъ, что доказываетъ его несомнѣнную пользу волосамъ. Элеопать пр. Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи. Цѣна флакону 1 р. 50 к., 2 флакона высылаются почтою въ Европейскую Россію за 4 рубля.

Главный складъ: Разъѣзжая ул., № 13. С.-Петербургъ.

Адресъ для писемъ: „Складъ элеопата Кинуненъ“.

ДЛЯ ЛЮБИТЕЛЕЙ И ПОДАРОКОВЪ

случайно купленные послѣдніе экземпляры новые нечитанные по удешевленной цѣнѣ, театральные-музыкальные и художественно-литературные журналы

съ приложеніемъ „Артистъ“

190 на отдѣльныхъ листахъ, картинъ, портретовъ, гравюръ, гелиографуръ, фототипій съ картинъ извѣстныхъ художниковъ и съ приложеніемъ 110 пьесъ, драмъ, комедій, водевилей извѣстныхъ авторовъ. **Полная коллекція** за всѣ года изданія т. е. за 7 лѣтъ кромѣ №№ 1 и 4, **всего 54 книги за 25 р.** Отдѣльно года за 1891 г.—7 книгъ 4 р.; тоже за 1892 и 93 г.—12 кн. по 5 р. г.; за 1894 г.—12 кн. 6 р.; за 1895 г. 2 кн. 1 р. 50 к.

съ приложеніемъ „Театраль“

165 Потретовъ изв. Артистовъ. **Полная Коллекція** за всѣ года изданія, т. е. за 4 года всего 165 книжекъ за 20 руб.

Полная коллекція **ТЕАТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА**

за всѣ года изданія т. е. за 7 лѣтъ кромѣ первыхъ 4-хъ №№ всего 72 книги за 40 руб.

Продаются въ книжной торговлѣ **К. Н. НИКОЛАЕВА.** Срѣтенка близъ Сухар. въ Москвѣ.

Вольшой выборъ театральныхъ пьесъ. Покупка книгъ русскихъ и иностранныхъ. Каталоги высылаются бесплатно. Цѣны безъ пересылки.

№ 1256 (1—1).

БАЛЬЗАМЪ ЭНГЛУНДЪ ДЛЯ ВОЛОСЪ

Косметика А. ЭНГЛУНДЪ.

Уничтожаетъ перхоть и приятно освѣжаетъ головную кожу.

Цѣна за флаконъ 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.

Для предупрежденія отъ поддѣлокъ прошу обратить вниманіе на подписи: А. Энглундъ, красными чернилами и марку С.-Петербургской косметической лабораторіи. Получать можно вездѣ.

Главный складъ для всей Россіи: А. Энглундъ, С.-Петербургъ, Михайловская пл., № 2.

ВЫШЛИ ВЪ СВѢТЪ

и продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

ВЫПУСКИ I и II

РОССКОШНО-ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО АЛЬБОМА

„НАШИ АРТИСТЫ“

Критико-биографическіе очерки Ю. Д. Бѣлзена.

Вып. I. В. Ф. Комиссаржевская. Изд. 2-е.

Вып. II. Л. Б. Яворская.

Цѣна каждого выпуска по 1 р.

Книжороботы въ обычной уступкѣ.

Изданіе Спб. Товарищества Печатного и Издательскаго

Дѣла „ТРУДЪ“. Складъ изданій: Фонтанка, 86, при Типографіи Товарищества.

НИВА

Подписчики „НИВЫ“ получают въ 1900 г.:

52 №№ журнала „НИВА“ (до 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ).

12 **ТОМОВЪ** **ПОЛНАГО СОБРА- НІЯ СОЧИНЕНІЙ Н. В. ГОГОЛЯ**, которое будетъ весьма значительно дополнено матеріаломъ, не помѣщеннымъ въ послѣднихъ изданіяхъ соч. Гоголя, и будетъ отпечатано на хорошей бѣлой глазированной бумагѣ.

12 **КНИГЪ** „**ЕЖЕМЕСЯЧНЫХЪ ЛИТЕ- РАТ. ПРИЛОЖЕНІЙ**“ (романы, повѣсти, рассказы, популярно-научныя статьи, очерки и проч. современныхъ авторовъ).

12 **МЪМЪ** „**ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ**“ (до 300 модныхъ гравюръ по послѣднимъ фасонамъ лучшихъ мастеровъ).

Требованія адресовать въ Главн. Контору журн. „НИВА“, С.-Петербургъ, Малая Морская, 22.

66 ДАЕТЪ ВЪ ТЕЧЕНІЕ

ОДНОГО 1900 ГОДА

СВОИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ

БЕЗПЛАТНО

полное собраніе сочиненій

Н. В. Гоголя

съ портретомъ, факсимиле и автографомъ.

12 **МЪМЪ** рукодѣльныхъ и выпильныхъ работъ и выкроекъ въ натуральную величину (около 600 рисунк. и чертеж.).

СТѢННОЙ КАЛЕНДАРЬ на 1900 годъ печатанный красками.

Подробное иллюстрированное объявленіе высылается бесплатно.

Съ доставкой 6 р. 50 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всеми приложеніями:

Безъ достав- ки въ Спб. 5 р. 50 к.
Безъ доставки: 1) въ Мо- сквѣ, въ конторѣ Н. Печ- новской—6 р. 25 к. 2) Въ Одессѣ, въ книжн. магаз. „Образованіе“—6 р. 50 к.
Съ доставкой 6 р. 50 к.

Съ перес. 7 р.
во всѣхъ горо- дахъ и мѣстн. Россіи . . .
За границу 10 р.
Разсрочка пла- тежа въ 2 и 3 срока.

№ 1252 (2—1)

Театръ „ФАРСЪ“

(бывшій Панаевскій, у Дворцоваго моста).

Дирекція: А. М. Горинъ-Горайновъ, С. К. Ленни, В. А. Казанскій.

ЕЖЕДНЕВНЫЕ СПЕКТАКЛИ ПОДЪ ЛИЧНЫМЪ РЕЖИССЕРСТВОМЪ

Сергѣя Константиновича Ленни.

Репертуаръ: Въ воскресенье, 5-го декабря: 1) „Говорящій нѣмой“; 2) „Дама отъ Максима“. Понедѣльникъ, 6-го: „Похождение мистера Пиквика и его товарищей“. Вторникъ, 7-го: 1) „Золотая Ева“; 2) „Война съ женами“. Среда, 8-го: „Похождение мистера Пиквика и его товарищей“. Четв., 9-го: 1) „Муж охотится“; 2) „Дама отъ Максима“. Пятн., 10-го: „Похождение мистера Пиквика и его товарищей“. Субб., 11-го: Бенефисъ артиста В. М. ФОКИНА. 1) „Ночь любви и приключеній“; 2) „Три жены для одного мужа“.

Исключительный репертуаръ фарсовъ и легкихъ комедій.

Масса новинокъ. Новая обстановка.

Для ослабѣвшихъ, одержимыхъ кашлемъ мальць-экстрактъ и леденцы фабрики

„ДЕЛИВА“

въ Варшавѣ, ул. Згода, № 5, существуетъ съ 1884 г.

Продаются въ аптекарскихъ магаз. и аптекахъ. Остерегаться поддѣлокъ.

ВНОВЬ ОТКРЫТАЯ

КОСТЮМЕРНАЯ МАСТЕРСКАЯ

подъ управленіемъ А. Г. Столяровой.

Гороховая ул., 60, кв. № 5, отпускаетъ на прокатъ всевозможн. театральные костюмы: на драмы, оперы, оперетты, балеты и проч., а также для домашнихъ и любительскихъ спектаклей, равно какъ маскарадныя костюмы и домино по умѣреннымъ цѣнамъ.

№ 1255 (1—1)

НУЖНА

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ГЕРОИНЯ

въ г. Тамбовѣ, дир. Бр. Крамесь, съ Рождества и до конца сезона.

(5—2).

ПЕРИХОНСКАЯ ТРУБА.

Сингапоне изобрѣ- тение. Въ могутъ играть безъ всякой музыкальной подго- товки. Прекрасное раз- влеченіе для всякаго возраста. Под- ходитъ для общества, войскъ, а так- же для экс- курсий; играть можно танцы, мар- ши, оперы и пр. Цѣна за штуку 1 руб., 4 шт. 3 руб., 6 шт. 4 руб., 12 шт. 7 руб. Высылается только по по- лученіи денегъ (также можно русск. почт. марками) франко и безопасно. М. FEITH, WIEN, II. Taborstrasse Nr. II. Корреспонденція на всѣхъ языкахъ

КАРАМЕЛЬ

изъ грудныхъ травъ

ОТЪ КАШЛЯ и отдѣленія МОКРОТЪ

„КЕТТИ БОССЪ“

Б. Семадени, въ Кіевѣ.

Главн. складъ у АЛЕКСАНДРА ВЕН- ЦЕЛЯ, С.-Петербургъ, Гороховая, 33. Цѣна металл. кор. 25 к. Мал. кор. 15 к.

Продается вездѣ.

1252 (12—1)